

НЕОПЫТНАЯ МУЗА

АННЫ БУНИНОЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ Морской Типографіи, 1812 года.

Печашашь позволяешся

*сб тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска
въ продажу представлены были: въ Цензур-
ный Комитетъ одинъ экземпляръ сей книги,
для Цензурнаго Комитета, другою для Де-
партаментна Министерства просвѣщенія, два
экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ публит-
ной библіотеки, и одинъ для ИМПЕРАТОР-
СКОЙ Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 1811
года, Декабря 9 дня.*

*Цензоръ Коллежскій Совѣтникъ
и Кавалеръ Ив. Тимковскій,*

ПѢСНЬ СВОБОДѢ,

Писанная къ N. N. по случаю даннаго имъ
на сіе повода.

Оплошь прошиву злыхъ гоненій ;
Спражь мира , здоровія , забавъ ;
Вождь къ славѣ , масть изобрѣтеній !
Молю , къ спомамъ пивомъ прилавъ ,
Да дѣшской пѣсни лепешанья
Въ вину пѣвицѣ не вмѣнишь ,
И слуха пы не ошврапишь
Опъ лирнаго ея бряцанья !
Не чпишь мню доблестъ шѣмъ швою :
Себѣ въ оспраду я пою .

*

Тебя , о даръ небесъ , свобода !
Мой шихій гласъ не вознесеть ;
Твой гимнь , — спокойспіе народа
Который длань швоа блюдетъ .

I

Орлица какъ неоперенныхъ
 Пшеницовъ лелѣешь подъ крыломъ,
 Такъ сладкимъ усыпляя сномъ,
 Твоею снью осѣненныхъ
 Хранишь, благая! чадъ своихъ,
 Гошова радости для нихъ.

*

Не спѣны шканями убранны,
 Не злапомъ кованный нарядъ,
 Не чаши дивно изваяны,
 Не мраморныхъ героевъ рядъ,
 Не гласы мусикійски спройны,
 Не грань заморскихъ хруспалей,
 Не блески голубыхъ огней,
 Не водъ паденія невольны
 Творятъ спокойствіе людей:
 Оно естъ даръ руки швоей!

*

Къ тебѣ приникнувши безопасно,
 Убогій, окончавъ шруды,
 Со днемъ прешедшимъ скоропечно
 Забывъ и нужды и бѣды,
 Спишь крѣпко, сладко на соломѣ;
 Онъ не смущается мечпой,
 Чшо вдругъ прервупъ его покой;
 Нѣтъ спражи на дворѣ, ни въ домѣ,
 Но нѣтъ равно въ нихъ и властей:
 Самъ *власть* онъ въ хижинѣ своей.

Ни Волжскихъ, ни Донскихъ, ни Днѣпрскихъ
 Къ нему на споль не спавяпъ рыбъ;
 Ни пряныхъ винъ Токайскихъ, Рейнскихъ,
 Ни сахарныхъ замерзлыхъ глыбъ :
 Укрукъ проспаго, черна хлѣба,
 Спяжаннй за свои пруды,
 Кувшинъ сосѣдственнй воды,
 Даръ щедраго къ убогимъ Неба,
 Супъ брашна дня ему всего;
 Но онъ шѣмъ сыпъ,—они его .

*

Онъ къ нимъ печепъ, когда алкаепъ,
 И гладъ ихъ сладкими пворипъ ;
 Онъ бодрствуетъ, когда желаепъ ;
 Склонясь ко сну, спокойно спипъ .
 Верша работы безъ ропшанья,
 По сжламъ предаепся имъ ;
 Здоровье неразлучно съ нимъ,
 Бывъ плодъ шруда и воздержанья :
 Веселіе въ его душѣ,
 Когда шы съ нимъ, и въ шалашѣ .

*

Но еспшли часъ опъ дѣль досужный
 Богъ въ благоспши пошлетъ ему,
 И госпъ, съ шбой одвой содружнй ,
 Госпъ милый сердцу и уму,
 Воображеніе крылашо,
 Слепя со свипками вѣковъ,—

Не къ пагубѣ изроешь ровъ,—
 Не алчность возбудишь на злопо ;
 Но къ пѣню въ немъ соспроишь гласъ :
 Сугубо онъ блаженъ въ пошъ часъ !

*

Онъ не скорбишь, что водомеша
 У ногъ не видишь чистыхъ водъ ;
 Что яркаго полудней свѣпа
 Гранишный не скрываетъ сводъ.
 Красы поддѣльныя явленьемъ
 Не возбуждаешь къ пѣснямъ духъ ;
 Возсѣвъ въ пѣни на мягкій лугъ,
 Доволенъ онъ ручья печеньемъ ;
 Когдажъ его и не найдешь ,
 Онъ пѣсни въ скорби не прервешь .

*

Обилѣная въ красахъ природа
 И скуднаго равно очамъ ,
 Премѣны пѣже кажетъ года ,
 Въ какихъ являлась богачамъ .
 Онъ ризы изъ цвѣшовъ сопканны ,
 Горъ крытыя вершины льдомъ ,
 Пернатыхъ разноцвѣшный сонмъ ,
 Ручьи въ долинахъ разлиты ,
 Пожаты класы, злаки, пашевъ ,
 Тяжъ созерцаешь безъ богашевъ .

Покорствуя власпей велѣнью,
 Онъ скорбно храминъ не спрежеть;
 Опъ сва ошпоргшись похопѣнью,
 Во сѣшене зари грядеть.
 Зрипъ, алыми ея перспами
 Ведомый по воспоку день,
 И скачущу за холмы шѣнъ,
 И со злашыми какъ власами
 Изъ огнемѣпныхъ фебъ очей
 Горящи искры льепъ спруей.

*

Иль западъ усмошря багровый,
 Скользнувшій съ горъ послѣдній лучъ,
 Цвѣпъ рѣкъ и поля пурпуровый,
 Иль бьющій въ дебри слыша ключъ,
 Воспоргъ въ душѣ онъ ощущая,
 Возсѣпъ захочепъ на холму;
 Нейдетъ съ поклономъ ни къ кому,
 Тобою бывъ ведомъ, драгая!
 Возсядепъ, и за лунный видъ
 Приспавамъ пошлинъ не дарипъ.

*

Иль въ серцѣ возлюбя науки,
 Возмнипъ себя имъ посвящипъ;
 Ты выборомъ не свяжешъ руки,
 За плугомъ не пошлешъ ходипъ;
 Не дашь ему челна для шканей,

На мѣсто киспи, иль рѣзца,
 И не сорвешь съ главы вѣнца,
 Даръ юный усыпя заранѣ.
 Не любишь въ маски пы рядишь :
 Съ побой всякъ шо, чемъ долженъ бышь .

*

Себя побою ограждал,
 Невпонъ, Коперникъ, Галилей,
 Объявъ вселенну въ край изъ край,
 Парящъ до вышнихъ областей :
 Изъ пучь перуны изпоргають,
 Законъ на сяжесипъ пишушь шѣль ,
 Дають движенію предѣль ,
 Мірамъ цули опредѣляють ;
 И въ вѣки свѣшлы писмена
 Передаютъ ихъ имена .

*

Тобою разумъ возмужалый
 Природы въ пайншва проникъ ;
 Тобой мужаяся и малый
 Нерѣдко дѣлался великъ .
 И самые побой Декаршы,
 Умчавиши съ вихремъ средь планешъ,
 Намъ кажутъ испину сквозь бредъ .
 Ты мышцы укрѣпила Спаршы,
 Тобой бывъ Россъ руководимъ,
 И ешь и былъ непобѣдимъ ,

*

Я мрачныхъ спѣнь своихъ, пемничныхъ,
 Въ копорыхъ шы одна со мной,
 Часовъ въ печенье шрехъ-годичныхъ,
 Какъ другъ присуспивовала мой,
 На свѣплу не смѣню неволю,
 И блескомъ злаша и чеспей
 Не соблазню души своей.
 Безъ рапопа на скудну долю,
 Въ убожешвѣ глаза смежу;
 Но цѣпь на выю не взложу.

*

Тебя мнѣ Богъ далъ въ соблюденье
 Моихъ скудельныхъ, малыхъ силъ;
 Тобой въ благое царь правленье, *)
 Меня закономъ оградилъ.
 За груды злаша взгромождена
 Не усщуплю одной мечпы,
 Которой управляешь шы,
 Съ которой я средь золъ блаженна,
 Которою и нуждъ и бѣдъ,
 Я скорбный изглаждаю слѣдъ.

*) Великая ЕКАТЕРИНА изданиемъ указа о вольности
 Дворянства, копорый пуже имѣешь силу и при бла-
 гихъ Ея Преемникахъ.

ПѢСНЬ СМЕРТИ.

Хвала тѣбѣ сонъ мерпввыхъ крѣпкій!
 Хвала лобзанью успѣ пвоихъ!
 Ты прочный миръ несешь на нихъ,
 Путь жизни изглаждаешь перпкій,
 Сушишь горячихъ поки слезъ;
 Ты приспанъ бурю носимыхъ,—
 Предѣль, мянущихъ душу грезъ;
 Ты врачъ ошъ язвъ неисцѣлимыхъ;
 Сыновъ тыхъ счастья ложный спрахъ:
 Зло, въ ихъ рожденное умахъ.

*

Хвала пвоей всемоцной длани!
 Она связуетъ меспъ враговъ,
 Ведетъ гонимаго подь кровъ,
 Вселяетъ пишину средь брани:
 Коснешся слабаго очей,—
 И зевъ не спрашенъ крокодила,
 Не оспро лезвее мечей,
 Не мощна власпи грозной сила:
 Ни скудоспъ, ни враги, ни шрудъ,
 Въ могилѣ спящихъ не гнешушь.

*

Хвала въ шебѣ цѣлебну хладу!
 Онъ гасишь пламень жгуцій кровь,
 Берешь изъ сердца вонъ любви,
 Кладешь конецъ ея злу яду!
 Впечатъ,— и жалость ошбѣжишь;
 Не нужны чада, братья, други;
 Ни ихъ жестокошь не крушишь,
 Ни ихъ напаси, ни недуги:
 Забыль имъ, иль дальній путь,
 Не ляжешь камнемъ скорбь на грудь.

*

Пустъ къ мершвымъ мещушь взоръ угрюмый,
 Пустъ гордо ихъ проходяшь прахъ,
 Неся презрѣнье на устахъ;
 Пустъ память ихъ сопрушь изъ думы,
 Книжемъ нѣжность воздадутъ;
 Скрѣпятъ сердца неблагодарны;
 Въ суровствѣ,— шигровъ превзойдутъ;
 Въ безчувствіи,— мешаллы хладны;
 Не нанесушь удара имъ:
 Ихъ крѣпокъ сонъ, неколѣбимъ.

*

Тебяль, о скорбныхъ другъ! со славой,
 Со властію, съ богатствъ красотой,
 Тебяль, со звукомъ словъ, съ мечпой
 Поставишь въ рядъ разсудокъ здравый?
 Нѣшь, нѣшь! не слава мой кумиръ!
 Я къ ней не припаду съ обѣщомъ.

Не плески рукъ,— швой прочный миръ
Мольбы я избрала предметомъ.
Какъ вѣпры развѣваюшь дымъ,
Такъ зло полешомъ шы своимъ.

*

Когда друзья неблагодарны,
Презрѣвъ законы правоты,
Сбирая чужды клеветы
Хулы о насъ гласящъ коварны,—
Ужели звучны плески рукъ
Глубоки уврачуютъ раны?
Ужели славы скудный звукъ
Прольетъ намъ въ сердцѣ миръ поправный?
Нѣтъ! ядъ сей жгущъ, неугасимъ!
Онъ спихнетъ подъ жезломъ швоимъ.

ПОХВАЛА ЛЮБВИ,

сдѣланная по требованію Н. И. А. желавшаго, воспѣвъ самый же сей предметъ бытъ моимъ соспязашелемъ. Побѣдишело назначался вѣнокъ изъ свѣжихъ, душистыхъ березокъ, свисыхъ руками побѣжденнаго.

Не въ Римѣ было шо, и не въ Афинахъ,
 Не шамъ, гдѣ съ лирами капались на дельфинахъ,
 Не шамъ гдѣ лирами вздвизались города,
 Гдѣ сладкая пекла, Каспальская вода,
 И шигровъ музыкой смирялись люпы нравы;
 То было въ Сѣверѣ, въ морозы и мешель:
 Пармень, побѣдами искашь привыкшій славы,
 И какъ-шо Панову похишивши свирель
 Спалъ всѣхъ перекликашь съ собой въ единоборство.
 Нейдушъ: онъ жребіи,—и жребій выпалъ мой.

Я прозбы,—я упорство:

Помилуй, говорю!, нѣшь пой! —

Да какъ съ свирѣлю мяъ спязашься Пана?

То споръ съ диняшей великана!

„Пой, пой!“— Но чпо же пѣшь? — „Любовь.“—

Рѣчей не спраша вновь

Съ уныніемъ, съ поскою,
 И зная, что паду средь бою
 Пошла нестройную я пѣснь свою слагашь,
 Пускай бы сельскія карпины воспѣвашь!
 Какъ въ моря смопрятися кремнисты, дики скалы,
 Какъ западны лучи дрожа по нихъ скользашь;
 Какъ пахарь пѣснями привѣпшвуя закапъ
 Увозишь съ пажитей блестящія оралы;
 Какъ пучныя спада по злакамъ разбрелись:
 Чрезъ холмы скачешъ лань, — въ пустыняхъ рысь, —
 По дебрямъ хищный волкъ, — въ опушкѣ заяцъ робкій;
 А дѣвы рѣвныя, чрезъ крышый дернъ росой
 Пуспаясь въ горелки межъ собой
 Черпаятъ извивистыя пропки;
 Какъ мѣсяцъ капипся, завивъ себѣ рога;
 Какъ мягкимъ бархапомъ одѣлися луга;
 Какъ рѣчка крадучись въ брега оплоги
 Чушь, чушь, журчишь,
 Иль прядая, чрезъ острые пороги
 И брызжешъ, и рѣвешъ, и слѣпишь, и глушишь:
 Подобны зрѣлища для каждаго неновы!
 Ихъ пѣть гораздо походивъ!
 „Нѣтъ! пой“ — кричишь Пармень —, сердечныя оковы; —
 „Любовь, всеобщую владычицу людей!“ —
 Пуспъ шакъ: пою любовь къ родителемъ дѣшей!

*

Привѣпштую птебя посланница небесна!
 О сколь ты сладостна, крошка, полезна!
 Ты нѣжишь, — не крушишь:

А я пускай молчу.

Какую пѣшь любовь могу и зачочу!....

Иль шу, что Ливіа пипаешъ къ Эзилаю?

Нѣшь, нѣшь! я Ливіи бѣды не проклинаю ;

Но пѣшь ее не движущся успа.

Пармень! видаль ли пы, какъ червь всечасно алчноѣ,

Изникнувшій изъ нѣдръ долины злачной

Піешъ послѣдній сокъ разшерзанна лиспа ?

Зефиръ прохладуль шлешъ,—земляль удвоипъ силы,

Иль Фебъ ліешъ свой огонь лиспа въ изсохни жилы :

Зефиры, Фебъ, земля его не воскресяшъ!....

Онъ вянешъ, блекнешъ и свалипся.

Пармень! кто пламенемъ обяпъ помипся,

Ни разумъ силъ шого, ни дружба не скрѣпяшъ!

Не шакъ средъ дикихъ скаль ягненокъ позабышый

Безпечную свою повсюду ищешъ машъ;

Тоскуешъ, мечешся, не знаешъ что начашъ;

То вдругъ взбираешся на оспрые гранишы,

То въ пропасши бѣжипъ не мысля о себѣ,

И робкимъ бывъ рожденъ безспрашнымъ спановипся:

Какъ Ливіа съ опчаяншемъ въ борбѣ

Искашъ безпечнаго повсюду мчипся.

Не шакъ, прижавшися въ куспахъ,

Преслѣдуема вдругъ и грозными спрѣльцами,

И легкими въ ловипшѣ псами,

Испуганная лань свой смершный множишъ спрахъ ;

То вся какъ лиспъ дрожишъ, шо въ членахъ цѣпенѣшъ ;

То мерзнешъ, шо горишъ,

То смерти не приявь опъ ужаса мершвѣшъ
 И бышь себя въ живыхъ не мнишь;
 Какъ Ливія, увидя Эзилая
 Съ минушой каждую свой множишь спрахъ,
 Смершями пысячю мгновенно умирая!
 Зачнешъ ли говоришь: нѣмѣшь гласъ въ усахъ;
 Слагаюся слова безъ связи, — перерывны;
 въ очахъ пемнѣешь свѣшъ, — родятся виды дивны;
 Всякъ кажется не шѣмъ, какимъ кпо прежде былъ,
 Всякъ милъ вдругъ и послыль....
 То, словомъ, полное ума и чувствъ смяшене!
 Такую пѣшь любовь придешь ли въ мысль кому?
 И нравишься ль, Пармень! шакое пѣснопѣне?
 Позволь мнѣ о любви молчашъ!
 Межъ ней и счастиемъ враждующая сила.

Нѣпъ, нѣпъ! и я опъ ней прияпшва дней вкусила!
 И я хочу ее блажишь и прославляшь!
 Да вѣюшь надо мной во вѣкъ ея знамена!

*

Не къ щещнымъ призракамъ, не къ славѣ, не къ серебру,
 Пою къ добру
 Горячую любовь Пармена!

Какъ пушникъ челнокомъ, носимый средъ валовъ
 Смѣется ихъ грозѣ, ушедь въ домашній кровъ,
 Ни бури не дрожишь, ни каменей подводныхъ;
 Такъ спраждуци опъ бѣдъ,
 Опъ злобы, иль сердцеъ холодныхъ
 Мнишь горесшей и злобы нѣшъ,

Къ Парменю скрившися въ объятія надежны.

Тебя, виновница упѣхъ,
 Дающа радости Пармену безмятежны,
 И слезы скорбнаго мѣняющая въ смѣхъ,—
 Тебя блажу своей цевницей психозвучной!
 Да длился власпѣ пивоя, сколь спанепѣ длился свѣшпѣ!
 Да будешь смерпныхъ пы подругой неразлучной!

Да злобой наносимый вредъ,
 И въпреной форшуну перемѣна
 Исправяшся, о кропкая, шобой!
 Не пы ли, нѣжною рукой

Прижала чуждыхъ чадъ къ груди Пармена! *)

Не пы ли въ дѣмъ его меня съ собой свела!
 Смощри! леперь я въ немъ, какъ въ собщпвенномъ смѣла:
 Кричу, шумлю, повелѣваю;
 То лучшую себѣ свѣшплицу избираю,
 И въ ней живя смѣюся, иль пружусь;
 То свой премѣнный пѣща вкусу
 Въ другой себя хозяйкой назначаю;
 То слова не хочу промолвишпѣ я ни съ кѣмъ
 Сижу задумчива, мрачна, грущплива;
 То дѣлаюся вдругъ безмѣрно говорлива,—
 И доброй мой Парменъ доволенъ всѣмъ!
 Съ супругою его умильной, благонавной,
 Какъ съ кровною живя сещрой

*) Н. И. А. собщпвенныхъ дѣпей не имѣешпѣ; но со всею родителпською нѣжноспію восплпшываешпѣ плѣмянниковъ.

Я ихъ смиренный домъ, земному раю равный
На пышный не смѣню дворецъ златой!

*

Пою любовь къ добру счастливаго Пармена
Да въюстъ на до мной во вѣкъ ея знамена!

ПОСЛАНИЕ КЪ ЛЕОНУ.

Не время ли, Леонъ! призраки броса лживы,
 Соскуча странствіемъ склонись подъ оливы!
 Не времяль въ перніяхъ пожапы лавры сняшь,
 И опочивъ на нихъ боль данныхъ язвъ уняшь!
 Годъ въ бѣгѣ не коснишь,— печепь своей чредою;
 Въ сей мигъ ты мнѣ внималъ: гдѣ мигъ сей? за шобою.
 Давноль ты веселясь встрѣчалъ весны приходъ?
 Се новая!... спѣши!— и лу поглонишь годъ!
 Къ возходу солнечну едва просперъ ты взоры:
 Мы въ вечера шеперь!— спопы у время скоры,
 Не медляшь на пупи по прихопямъ швоимъ,—
 Ни дряхлосшь скучная не угрожаетъ имъ.

Я зрѣла: юный Май носяся надъ Невою,
 О свѣшло облако опершейся рукою,
 Фіалы, ландыши кидаль къ ней на брега.
 Спезей ему была семи цвѣшовъ дуга;
 Рубины на вѣнцѣ, на крыліяхъ сапфиры;
 За нимъ и передъ нимъ шолпилися Зефиры;
 Во срѣшенъе къ нему париль пернапыхъ полкъ;
 Самъ шумный Аквилонъ палъ ницъ предъ нимъ,— и смолкъ.

Въ пуки фіялы рвашь пылала я охошой;
 Приникла ко брегамъ, склоненная дремопой:.
 Уснула, — и увы! фіялокъ болѣ нѣшъ;
 Увяли ландыши, пожелкъ ихъ снѣжный цвѣшъ.

Я зрѣла роскошью дышащи верпограды;
 Тамъ грозды сочные, — здѣсь рдѣючи гренады, —
 Подъ пухомъ персики; душиспыя айвы;
 Согбенны опъ плодовъ древесныя главы:
 Но вдругъ раздалися Зола въ дебряхъ свиспы;
 Завылъ Борей; шсель хладъ; легли пуманы мглиспы, —
 И алчущій Ноябрь, хватая съ дровъ плоды,
 Клочками сыплещъ снѣгъ съ кудравыя брады.

Такъ все одно другимъ смѣняешся въ природѣ!
 Не ждешъ природа насъ въ своемъ рѣшивомъ ходѣ;
 Безъ лѣности и мы пойдемъ съ ней дружно въ рядъ.
 Вперя несыпный свой мы въ будущее взгляды,
 На воздухѣ дворцы блестящи созидаемъ;
 Но часъ сей будущій, навѣрноль нашъ? — не знаемъ!...
 Лишь шопшъ, въ копоромъ я дышу естъ шочно мой.
 Какъ вѣдаешъ шы здѣсь, чпо скрыпо за спѣвной?
 Твой зоркій, оспрый взоръ: взоръ смершнаго, — не болѣ!
 Ты села закупилъ, спяжалъ обширно поле;
 Но кто съ него пожнетъ? — Бышь можешъ, — и не шы.
 Увы! почшо же намъ крушишся за мечшы?
 Леонъ! почшо съ судьбой, какъ буйнымъ, вѣкъ сражашся?
 Чпо не дано, — желашъ; дано, — не наслаждашся,
 Какъ будшо юношъ намъ въ подруги суждена!
 Нѣшъ, нѣшъ! и наша вѣкъ не спанелъ цвѣспы весна!

И наша хладная зима не опдыхаетъ!
 Бѣжитъ ослабѣя, — какъ исполнишь шагаетъ:
 Едва у входа мы, — мчитъ быспро на закатъ;
 И въ очи, и въ уста свой вспрѣчнымъ дуешь хладъ;
 Рветъ розы съ ихъ ланишь, даетъ хребты согнушы;
 На легкія спопы бросаешь пляжки пупы;
 Лишаешь зрѣнія, пмишь память, шупишь слухъ.

Вошце я оживишь мой прежній силуюсь духъ!
 Не пошь ужъ онъ что былъ! . . . мысль, память, духъ
 слабѣюшь;
 И черные, какъ вранъ, власы мои бѣлѣюшь.

Леонъ, шы вѣдаешь; — законъ у время свой!
 Какъ фениксъ снова мы не разцвѣпемъ душой!
 Преспанемъ мудрспвовать, — искашь въ призракахъ
 счастья;
 Пока сіяешь Фебъ, почшо дрожатъ ненастья!
 Есть скорби, — и прейдуть; есть радость, — улови!
 Самъ Богъ къ ушѣхамъ въ насъ не осудилъ любви:
 Ошворимъ сердце имъ, когда онъ безгрѣшны!
 Богашпво, слава, санъ, сушь жизни блага виѣшны,
 И истинна душѣ блаженспва не дадутъ.
 Когда обиженну явилъ шы правый судъ,
 Съ убогимъ раздѣлилъ прапезъ швоихъ избытки,
 На выкупъ плѣннаго смѣнялъ мешальны слишки,
 Даль ложѣ спраннику, безкровому покой,
 Скорбяца облегчилъ совѣшомъ, иль слезой, —
 Ты въ бѣдаспи богатъ, и въ низкой долѣ славень!
 Числомъ черпгоговъ шы пусшь Крезу и не равенъ:

Щиплять ли насъ они опъ горестей и бѣдъ!
 Вездѣ угрюмая проложитъ скука слѣдъ,
 Коль шы въ душѣ опъ ней не соорудилъ ограды.
 Идетъ безъ робоспи въ огромны зданьемъ грады,
 Въ бесѣды пышныя, сквозь рядъ споящихъ слугъ,
 Сквозь мраморны сполпы, къ вельможамъ въ пѣсныи
 кругъ,

На ложа шпофныя, за вкусныя шрапезы,
 И въ чаши сребрены роняетъ горьки слезы:
 Придверникъ пвой опъ ней шебя не охранитъ!
 Собой довольными не злапо насъ шворитъ:
 Мы въ выборѣ забавъ должны искапъ сей шайны.
 Скупой съ сокровищми и скудный, — оба равны;
 Но кто ненасытимъ, пошъ скуденъ паче всѣхъ.
 Насъ къ счастью ведетъ умѣренность упѣхъ:
 Веселье чистое ей небомъ данна плаша.

Памфиль и Теокришъ два нѣгдѣ жили брата.
 Щедроты равныя съ небесъ на нихъ шекли;
 Но разны склонности ихъ къ разному влекли.
 Безвѣспну Теокришъ избравъ смиренно долю,
 Считалъ излишество за шайную неволю.
 Какъ свѣшлый ручеекъ его капились дни,
 Средь скромныхъ сердца нуждъ, у разума въ пѣни.
 (Мы рѣже скрытыхъ благъ должны спрашиться шрапы).
 Когдажъ порывы буръ и рока коловрапы
 Трясли свирѣпшвуя его укромный домъ;
 Любовь Лавини была ему щипомъ.
 Двѣ силы спавилъ вдругъ прошиву онъ напасши,

И бремя раздѣля на равныя двѣ чаши,
 Не вѣдалъ шажески носить его одинъ:
 По скаламъ шествуя мнилъ бытъ среди равнинъ.

Памфилъ, въ желаньяхъ съ нимъ и нравахъ, споль же
 разной,

Глушась пишины всегда единообразной,
 Запѣйливимъ умомъ возносился на луну.
 „Какъ можно“ — мнилъ онъ —, зная лишь родину одну,
 „Коснѣя здѣсь въ глуши разсудкомъ умудришься?
 „Разсудокъ нашъ прудомъ и опытомъ крѣпится.
 „Все въ свѣтѣ суепа; всякъ рабъ своихъ спраспей!
 „Топь алчешъ золопа; сей славы, иль чести.
 „Пойду за мудростью въ предѣлы опдаленны,
 „На Зороаспровъ гробъ, вѣками сокрушенный,
 „Среди священныхъ мховъ искать ея знаменъ!“
 Напрасно Теокришъ, разлукой сокрушенъ,
 Подъ дружескую сѣнь бѣгуца приглашаетъ:
 „Ищу премудрости“ — сей гордо ошвѣчаетъ!
 „На гробъ мудреца постигнувъ суепа, —
 „Тамъ прочны радости я плѣннымъ предпочту!“

Дхнулъ пламенный Июль, ражжеть пески сыпучи;
 Бѣжипъ въ кусты овень; волкъ скачешъ въ лѣсъ дремучій,
 Подъ хвороспъ кольцами вѣсь ползущъ зми; —
 Засѣлъ въ пещеру левъ; легли спада въ ручьи;
 Олені прядаютъ скалы подъ дикі своды,
 Нагнувъ рога дроблящъ въ жерло біюци воды;
 Конь ржопъ, — несется въ сѣнь, копытомъ роя лугъ;
 Орашай изнурыся прилежъ подъ праздный плугъ :

Единый раздыху Памфиль не предавался ;
 За счастьемъ гонясь, ошъ счастья уклонялся.
 Средь зноя, въ бурю, въ мразь, по сушѣ, по морямъ
 Лепишь, кляня мечпы, къ избраннымъ вновь мечпамъ.
 Два раза былъ въ плѣну; пять лѣтъ провелъ въ шемницѣ;
 На Зороаспровой не умудрясь гробницѣ
 Сперегъ, влачивши цѣтъ, въ Аравіи коней;
 Извѣдалъ ужасы; близъ многихъ былъ смершей,
 И въ скорби посѣдѣвъ, средь нужды безпокойной
 Прибылъ на родину въ дни спароспи преклонной.

Леоны! въ предѣлахъ ли насъ чуждыхъ мудросп
 ждешъ?
 Кшо духомъ бодръ, пошъ къ ней вездѣ спезю найдешъ .
 Не внѣшностпю пошъ швердъ! въ себѣ, въ поступкахъ
 вольный,
 Не спанешъ вопрошашъ гробницы онъ безмолвны ,
 Ни мхи безчувспвенны, ни хладный спѣнь гранишъ ;
 Чшо скажешъ прахъ кому? чшо скажешъ перспъ?...
 молчипъ.
 Ты вѣдаешъ сіе, — шы мудръ, и за слѣпцами
 Не бродишь шемными ко счастью пушями .
 Лешащаль времени забышь шы могъ законъ?
 Нашъ вѣкъ въ юдоли сей еспъ смушный, крашкій сонъ
 Всякъ часъ видѣніе смѣняешся видѣнемъ ;
 За благомъ скорбъ идешъ, спокойсшво за волненемъ :
 Нѣшъ прочнаго ни въ чемъ! — прейдущъ и наши дни...
 Ты съ ушра спранспвуешъ, — се вечеръ, — ошдохни .

II. ПОСЛАНИЕ КЪ ЛЕОНУ.

Вчера съ тебѣ, Леонъ! къ забавамъ я склоняла ;
Не слушайся меня! — живи, какъ жилъ сначала.
Увы! изъ вольныхъ мы, для прихошей своихъ,
Алкая сихъ забавъ, рабами стали ихъ.
Въ оправдуль намъ онѣ, коль мѣры въ нихъ не знаемъ,
И радость самую излишествомъ припуляемъ .
Боюсь и за тебѣ! — И пы, какъ человѣкъ, —
Съ пошпока бысприной, — и пы, чшобъ не ушекъ!
Нѣпъ, нѣпъ! носи ярмо, борись всегда съ собою;
Не будь поспыдною спраспей своихъ игрою!
Мнѣ легче зрѣшь тебѣ согбеннаго прудомъ,
Чемъ бурныхъ склонноспей услужливымъ рабомъ.
Дай волю разъ спраспямъ: увидишь ихъ власпами;
Судяпъ тебѣ двѣпы; — но окунопъ цѣпами!
По сердцу сколь ни добръ, — запмяпъ добро въ тебѣ!
Радѣешь ближнему; работаешь . . . себѣ.
Какъ кедръ безлиспенный пы будешь и безплодной!

Эльвира рождена съ душею благородной;
 Добра, чувствившительна, съ богатствомъ, съ красошой;
 Блиспаепть разумомъ и сердца правошой;
 Соспраждепть каждому, не вѣдая припвора.
 Сиротку ли найдепть, бродяца безъ надзора,
 Больнаголь, бѣднаго, гонима, иль въ бѣдахъ, —
 Товарищъ имъ она во вздохахъ и слезахъ;
 Товарищъ; но увы! безъ пользы и не прочной!
 Попокомъ уносясь Эльвира моды мочной
 Влечешся прошивъ силъ за шумною шолпой.
 Начнешъ убогими; но кончишь по... собой.

Однажды къ ней прибрелъ за помощію увѣчный.
 Эльвира съ гореспью дѣйствившительно сердечной
 Внимаепть пришлеца о бѣдноспи расказъ.
 Изъ полныхъ пламени Эльвиры глазъ
 На свѣжее лице горячи слезы пали:
 Ея печаль его равняепся печали.
 „Ушѣвшись, говоришь, не сѣпуй! я могу!“...
 Но вдругъ нечаянно взоръ броса ко врагу,
 Къ уборному столу, — Эльвира вся смушилась,
 И къ щедроспи душа невольню затворилась.
 Тупъ нужды собсшвенны въ умѣ ея спеклись,
 И шо, и ешо ей купишь пришло на мысль:
 Съ собою борешся, не знаетъ какъ рѣшишься;
 Копейка каждая ей нужной спановишся.
 „Я послѣ“ — думаетъ —, могу его снабдишь;
 „Теперь же врядъ ли рубль подсилу опдѣлишь.
 „Годичное ему далабы пропишанье;
 „Но бышь условилась я завпре на гулянье:

„Всѣ въ новыхъ шляпкахъ памъ, — ужели я одна!...
 ,Поиспинѣ шеперь я въ деньгахъ пакъ скудна;
 „А нуждамъ счепу нѣштъ, — и всѣ необходимы!
 „Невольню въ общеспвѣ мы нуждами шѣснимы!
 „Охопнобъ опреклась пустыхъ издержекъ я:
 „Всѣ спанупъ пальцами указывашъ меня.
 „И нынѣ, вопъ на балъ къ Графинѣ обѣчала“....

Но чпожъ? Эльвира памъ весь вечеръ прозѣвала!
 Эльвира! хочешъ ли на балахъ не зѣвашъ?
 Ты рѣже, рѣже ихъ спарайся посѣцашь.

Ахъ! балы ли одни насъ вводятъ въ заблуденья!
 Вездѣ излишесшво еспъ камень препкновенья!
 Богашспваль ищешъ кшо? все мало, чпо ни дай.
 За славой гонипсяль? всякъ шѣсенъ къ звукамъ край.
 Желаетъ ли честпей? все мнипъ: опъ многихъ близко!
 Ужъ падаюпъ предъ нимъ: нѣштъ, кажешся, — не низко!
 Чшобъ быпъ умѣренну всего для насъ шрудней;
 А для чегобъ не быпъ? — Большаяжъ часпъ, ей, ей,
 Умѣренности шой лишь шолько носяпъ маску.
 Хочу шебѣ, Леонъ, сказапъ въ забаву сказку.

Спопалъ въ рѣкѣ журавль, какъ будшо часовой,
 И удилъ носомъ рыбъ едину по другой;
 Вдругъ видипъ въ лодочкѣ плывуща рыболова;
 Скрываешся въ камыпъ, — прижался и ни слова.
 Въ близи не видывалъ людей онъ на рѣкѣ;
 Все ново для него и чудно въ рыбацкѣ;
 За каждую шого пошупкой примѣчаетъ.

Рыбакъ съ добычею на берегъ выспуаепшь,
 Разсыпаль по правѣ плошву, лещей, сиговъ,
 (На эпошъ разъ ему хорошъ былъ видно ловъ).
 Веревкой прикрѣпилъ ко сваямъ легку лодку;
 А самъ ушелъ домой, шаща свою находку.
 Приподнялся журавль. Туда, сюда онъ глядь!
 Въ водѣ видна ему вся журавлина спашъ;
 Смопря на лодку онъ ошъ зависши препенещеть:
 То къ ней, шо на себя свирѣпы взоры мещеть,
 И шею выпянувъ съ собой пакъ началъ самъ:
 „Плохая очень жизнь намъ бѣднымъ журавлямъ!
 „Людей ни въ чемъ, ни чемъ, нимало мы не хуже!
 „И ноги длинныя, и шею носимъ шу же:
 „Походкой, поспулю, —мы сходны всѣмъ на нихъ;
 „А кормъ у насъ пруднѣй и хуже чемъ у нихъ!
 „Возможноль? — Я! — журавль! являюсь здѣсь съ зарями;
 „Но чемъ довольспвуюсь? . . дрянными пискарами!
 „И шѣхъ не вдругъ шащу, — одинъ по одному;
 „Днуной и рыбакъ; а выпанциль вдругъ пьму.
 „Я долженъ на судьбу жестпокую сердищъся!
 „Да правда еспъ шеперь съ ней случай примиришъся. “—
 Тупъ прыгнуль разъ, другой; курлыкнулъ, гордо спаль,
 Нагнуль сушулину, на лодку зашагалъ,
 И началъ надъ узломъ воровочнымъ прудишъся;
 Трусами до пого умѣлъ попомъ добилъся,
 Что лодку опвязаваъ плывешъ гдѣ глубина,
 И жадно ловишъ рыбъ, лишъ вынорнушъ со дна.
 Но вдругъ въ зыбяхъ Эоль горой валы содвинулъ, —
 Въспрѣ дунулъ въ журавля и съ лодкой опрокинулъ.

Пусть понушь журавли опъ лишнйхъ прихоей;
Лишь Боже упаси ихъ учаспи людей!

Но прихопиль однъ насъ бѣдныхъ въ мѣрѣ мучашъ!
Опъ нихъ и бѣдспвія подъ часъ собой опъучашъ.
Къ несчастію мѣра намъ всему прудна равно,
И рѣдкимъ, рѣдкимъ-въ ней познаніе дано!
Топъ каждый часъ во всемъ желаепъ перемѣны;
Другой одно, да пожь заладишь вѣкъ безсмѣны.

Мнѣ къ пѣнію данъ гласъ въ забаву для себя;
Я пѣніе своё безъ мѣры возлюбя,
Твержу о пѣсняхъ всѣмъ, усшалоспи не зная:
Въ домахъ, по улицамъ, прохожихъ всѣхъ хватая;
Профессора, дьячка, разнощика, солдапъ,
Подъячаго, попа, — кто радъ, и кто не радъ,
Кто въ силахъ разумѣть, — и пѣхъ кому не въ силу
Кричу: „читали ли мою вы Эврифилу?“ —
Тамъ дѣши съ азбукой; а я ихъ похваля:
„Учишесь! подарю вамъ Эврифилу я!“ —
Увижуль съ сумкою бродячаго по свѣпу;
Тупъ вмѣсто, чшобы дашь на хлѣбъ ему монешу
Умильно на ухо спою ему сонепъ.
И въ церквахъ опъ меня пощады даже нѣтъ!
Въ нихъ славяшь Господа, зовушь къ его закону;
А я молебникамъ въ спихахъ швержу Дидону,
И дерзоспно глушу Евангеліе симъ;
Хопъ слушаюпъ, хопъ нѣтъ, мой жаръ неугасимъ!
Повѣряпъ ли шому? — На самомъ погребеніе

Прочла я полное въ спихахъ мое творенье!
 Леонъ! въ утѣхуль мнѣ шакая пылка спрасить?
 На скуку ближнему; себѣ, — увы! — въ напасить.

Но пише! не суди меня пы слишкомъ спрого!
 По свѣшпу шаковыхъ, повѣрь, довольно много.
 Одной ли полько мнѣ извѣспень сей порокъ?
 Бышь можешъ, что найду шоварицей пяшокъ.

Аминшovu игру на люпнѣ я хвалила:
 И чтожь? хвалою сей бѣду себѣ купила.
 Проходу не даешъ мнѣ люпнею Аминшъ!
 Едва проснусь: пришелъ, — ужъ съ люпней, и звѣнишъ.
 Бѣгу изъ дома вонъ, — иль двери на запоры;
 Дрожу, какъ будпо бы средь дня нагрянупъ воры.
 Такъ уши назвѣнелъ, что ночью, въ сладкій сонъ
 Вдругъ чудисься начнешъ мнѣ колокольный звонъ.
 Уймешъся ли когда шрубачъ неупомимый?

Какъ счастливъ пы, Леонъ! кашпальдами любимый,
 Для пользы и забавъ лишь спроя лирный гласъ!
 Въ швоемъ велѣннн и Пимпла и Парнассъ;
 На значныхъ пы брегахъ взлѣлѣанъ Ипокрену;
 Вкупалъ амвросію, нешпаромъ упоенны;
 Но всѣхъ на Геликонъ неволей не пащипъ:
 Гдѣ кшпашн, — пы поешъ; нексшпашн, — шамъ молчипъ.

МАЙСКАЯ ПРОГУЛКА БОЛЯЩЕЙ.

Боже благоси и правды!
Боже! вездѣсуцій, сый!
Спраждешь рукъ Твоихъ шворенье!
Боже! что коснишь? возри!...
Адь въ душѣ моей гнѣздился,
Эшна зсохшу грудь налишь;
Жадный змій віясь вокругъ сердца
Кровь кипучую сосепъ.
Тщешно слабыми перспами
Рву чудовище... нѣпъ силъ.
Ядь его пропекъ по жиламъ:
Боже мира! запреш!

Гдѣ цѣлене изнемогшей?
Гдѣ опрада? — гдѣ покой?
Нѣпъ! не льспи себя мечпою!
Токъ цѣленія изсякъ.
Капли нѣпъ одной прохладной,
Тоци оросишь успа!

Въ огонь дыханье претворилось ;
 Въ оспіру спрѣлу каждый вздохъ ;
 Всѣ глубоки вскрылись язвы , —
 Боль ихъ умъ во мнѣ мрачитъ .
 Гдѣ пы смерть? — Изнемогаю
 Домъ, какъ шаршаръ спалъ пошылъ !

Мнѣль пы солнце улыбнулось ?
 Мнѣль сулишь опраду Май ?
 Травка! для меняль пы спелешь
 Благовонный свой коверъ ?
 Можешь быть мнѣ шамъ и лучше . . .
 Побѣжимъ подъ сѣнь деревь .

Сколь все въ мірѣ велелѣпно!
 Сколь несчетныхъ въ немъ красощъ!
 Боже , Боже вездѣсущій!
 Къ смершнымъ Ты колико благъ !

Но въ груди огонь не гаснешъ ;
 Сердце шопъ же змій сосепъ ;
 Топъ же ядъ печепъ по жиламъ :
 Адъ мой шамъ , — гдѣ я спуплю .
 Нѣпъ врача омышъ мнѣ равы ;
 Нѣпъ руки сперепъ слезы ;
 Нѣпъ успенъ, для упѣшенъя ;
 Персей нѣпъ, приникнушь гдѣ ;
 Всѣ спраянпся , — убвгающъ :
 Я одна О горе мнѣ !

Чѣло, какъ пѣнь изъ гроба вспавша ,
 Спарецъ бродитъ здѣсь за мной ?
 Вѣспрь власы его взвѣваешь ,
 Бѣлые, какъ первый снѣгъ ;
 По его ланишамъ впалымъ ,
 Изъ померкнувшихъ очей ,
 Чрезъ глубокія морщинѣи
 Токи слезные текутъ ;
 И проспря дрожащи длани ,
 Слѣдуя за мной вездѣ ,
 Онъ залепчимись успами
 Жизни просишь для себя .
 На копейку , спарецъ! скройся !
 Видъ спрадальца мнѣ посшылъ .
 „Боже щедрый! благодатный!“—
 Онъ прикратно возгласилъ,—
 „Низпошли свою ей благоспъ ,
 „Всѣ мольбы ея внемли!“,—
 Спарецъ! шы хулы изрыгнулъ !
 Трепещи! ударитъ громъ
 Чѣло изрекъ, увы! безумный ?
 Небо оскорбитъ дерзнулъ !
 Богъ опвергъ меня несчастну !
 Око соврашилъ съ меня ,
 Не щедроты, — и не благоспъ , —
 Тягошфепъ зло на мнѣ .

Тщешно вѣспе зефиры!
 Тщешно соловей поешь!
 Тщешно съ запада злашаго

Солнце! мещешь кропкій лучъ,
 И Пешрополь позлащая,
 Всю природу веселишь!
 Чужды для меня веселья!
 Не дѣлю я съ вами ихъ!
 Солнце не ко мнѣ сіяешь,—
 Я не дочь природы сей.

Свѣжій вѣпръ съ Невы вдругъ дунуль:
 Побѣжимъ! онъ прокладитъ.
 Дай мнѣ челнъ угрюмый кормчій!
 Къ вѣпрамъ въ ликъ свой пущь направъ.
 Воды! хлыньше дружно съ моря!
 Вздуйшесь синіе бугры!
 Зыбь! на зыби налягая,
 Захлесни опважный челнъ!
 Прохлади мнѣ грудь изсохшу,
 Жгуцій огонь ея залей.
 Туча! упади громами!
 Хлябь! развернись,— поглоси....

Но все пихо,— все спокойно,—
 Вѣпръ на вѣпвіяхъ уснулъ;
 Море гладко, какъ зеркало;
 Чудь ряблеть въ Невѣ спруж;
 Нѣпть на небѣ шучь свирѣлыхъ;
 Облакъ легкихъ даже нѣпть,
 И по синей, чиспой нтверди
 Мѣсяць съ важносью шечеть.

МОИМЪ ПЛЕМЯННИКАМЪ и ПЛЕМЯННИЦЪ,
игравшимъ прологъ на мой въ деревню къ
нимъ приѣздъ.

Какъ взоры ясныя невинныхъ вы очесъ
Съ умильной крошоспью возведши до небесъ
И падши на помостъ въ предверьяхъ мирна храма,
Съ незлобьемъ Авеля, съ усердемъ Авраама,
Благому въ даръ Творцу міровъ
Несли сокровища, сплжанныы вами:
Топъ вѣшивъ, одѣшую цвѣпами,
Топъ ппичку словленну забопливо съ кустовъ,
Та праздничный уборъ, топъ лучшій сборъ плодовъ,—
Избышка малаго послѣднее богашспво!
Привлечь всесильнаго ко мнѣ пѣмъ око мя;
Какъ на успа собравъ весеннихъ лѣпъ приапспво,
Вы коснымъ языкомъ, но вяпнымъ для меня,
Молили жизни мнѣ спокойной, безмяшежной,
Молили свѣшлыхъ, долгихъ лѣпъ;
Какъ увлекаемы ко мнѣ любовью нѣжной,
Сугубой дали вы Предвѣчному обѣпъ,
Запо, чшобъ онъ невидимую дланю
Мнѣ въ душу пролилъ вновь желанье видѣпъ васъ,
Давъ свыше способы, покорные желанью:

Тогда вашъ дѣтскій сей, не лжѣприемный гласъ
 До сильно-бьющагось мнѣ сердца доспигая,
 И слезъ невольные пошпки испоргая,
 Испоргнулъ чистыя къ Всемощному молюсь,
 Да непорочныя въ васъ зрѣюшь нравы,
 Да нѣжностъ къ рождшимъ васъ, надежда на судьбы,
 Желанье въ цѣлости святыя блоспъ успавы
 Съ часами возраспа роспушь въ васъ и мужаюшь.
 О! еспыли ко Творцу моленья доспигаюшь!

Единый я избытокъ мой,
 Мое сокровище, — удѣлъ небесъ благой,
 Сей скудный къ пѣснямъ даръ, спяжаный мной въ не-
 насшья,

Кошорой умягчатъ суровоспъ дней
 Орудье дальъ душе моей,
 Для вашего гошова счастья
 На жерпву принеспи не укосня шедезь,
 И ранше опворипъ себѣ пѣмъ гроба дверь.

М И Ш Ъ,

десятилѣтнему моему племяннику.

Всегда, вездѣ, равно любовь къ тебѣ храня,
 Какъ майскою зарей прельщаюсь я побою!
 Скончавъ ли свой урокъ, шы съ дѣтской протопною
 Бѣжишь обняшь меня
 И на груди моей забышь науки бремя,
 Прелестной пользами, но пляжкой по шрудамъ;
 Въ бесѣдѣ спарцевъ шы проводишь время,
 Смѣшишь ли всѣхъ собой, смѣнешся ль самъ;
 Оспро ли умствуешь, рѣчь смысломъ украшая,
 Иль связи въ мысляхъ не храня
 Нескладнѣе лепечешь попугая, —
 Во всешь, всегда шы миль подобно для меня.
 Кружишься ль въ вальсѣ шы, какъ вихри Аравійски,
 Вія сполбами пыль и ногъ быспрѣйшихъ прахъ,
 Иль гибкосыю въ перспахъ
 Рождаешь звуки мусикійски, —
 И съ ними нѣжный свой соединяешь гласъ;
 А съ гласомъ помное во взорахъ умиленье:
 То смѣхи на успахъ, — дань юныхъ, дѣтскихъ лѣтъ, —
 То пренептъ вдругъ на нихъ, шо розъ живѣйшихъ цвѣтъ:

Души невольное волненье,
 Я умъ шеряю опть тебя,
 И надо мной швоя побѣда несомнѣнна!
 Чиспѣйшимъ бывъ шогда воспоргомъ упоенна,
 Всѣ мрачны помыслы изъ думы прогона,
 Невинны радости побою я вкушаю:
 Вошь сердца заглушаю.

Но вѣдаешь ли шы,
 Чшо держишь въ дивномъ споль меня очарованы?
 Ужель наружны красомы?
 Твой спройный спанъ? швои умильны лепешаны?
 Дары разсыпанны щедрошою небесь?
 Нѣшпъ! — далѣ ищи начала сихъ чудесь!
 Прельщаясь звукомъ спрунъ, иль пѣннй сладкогласныхъ,
 Въ шеапръ упишься бѣ шла воспорговъ я всечасныхъ:
 Проворство ногъ любя,
 Въ балешѣбъ шьму нашла любезиѣ тебя.
 Души швоей меня плѣняешъ доброхопспво!
 Ахъ! ешшли шы сіе ушрашишь превосходспво:
 Сей лучшій даръ даровъ земныхъ!
 Магнишь, влекущій къ намъ прешупныхъ и благихъ!
 Неволю къ тебѣ шогда я охладѣю
 И сердцемъ вмигъ осирошѣю.
 Желаетъ ли шы хладъ изгнать на вѣки сей?
 Немногова прошу любви моей въ замѣну:
 Будь честень, справедливъ, чши брашьями людей;
 Не злашу, но добру умѣй возвысишь цѣну,
 И славой ослѣпясь блиспашельныхъ умовъ,
 Въ самонадѣянье не ввергнись дураковѣ.

ПЕКИНСКОЕ РИСТАЛИЩЕ.

БАСНЬ.

Посвященная нѣкоторымъ изъ почтенныхъ
Членовъ Россійской Императорской Академіи,
удостоившихъ меня леснаго своего одо-
бренія.

Когда-то въ Пекинѣ вельможны старшины,
Въ часы народной пишины,
Желая по трудахъ вкусить отдохновенье,
Спеклись въ ристалище своихъ извѣдать силъ.
Не злшо получить шамъ побѣдитель мнилъ,
Но плески дланей въ награжденье;
И безкорыстныхъ споль награды
И сами мудрецы опинюдь не возгнушались.
Двѣ мешы въ поприщѣ Пекинцевъ назначались:
Одна для малыхъ чадъ,
Другая юношамъ и возмужалымъ.
Бѣгъ начался, — и вдругъ жена явилась шамъ.
Хочу сказаць въ Кипаѣ небывалымъ,
Что жены шамошни сидятъ въ немъ по домамъ,

И къ бѣганью у нихъ всѣ запершы дороги ;
 Чпѣ съ дѣшсшва нѣжнаго, едва изыдушъ въ свѣшъ ,
 Тѣсьмами крупяпъ имъ и сплягиваюпъ ноги :
 Безъ ногъ же въ поприщѣ спязашься выгоды нѣпъ .
 Но счаспью ихъ чрезъ шо, казалось, нѣпъ уграшы .

Другихъ забавъ, другой и плапы
 Въ награду чаяли онѣ своихъ прудовъ .

Да и къ чему въ краю намъ царсшва
 Исканъ шого, чпо внушрь находпшся домовъ ?
 Будь доброю женой , безъ прихопей, коварсшва ;
 По крошоспш души кажи всѣмъ крошкѣй взглядъ ;

Пекись о благонаравш чадъ ,
 О нуждахъ подданныхъ и ихъ забавахъ ;
 Будь доброй дочерью, сестрой ;
 Блуди семейспвенный покой ,
 И славу обрѣпай въ своихъ незлобныхъ нравахъ :
 Вотъ поприще обширное для насъ !

Однако въ Пекинѣ на эпопъ разъ
 Въ респалищѣ жена возмнила соспязашься .
 То видно праздная , иль сирая была,
 Иль дома не найдя полезнѣй чемъ заняшья ,
 За славою опъ скуки пришекла ,
 Иль мнила милаго увеселишъ пѣмъ взоры .
 Не знаю въ испину для нуждъ она какпхъ ,
 Но знаю, чпо забывъ скудѣльность ногъ своихъ ,
 Съ мужамъ вздумала войпш въ неравны споры .

Знакъ къ бѣгу данъ шрубой .
 Коснѣя препенной спшой ,
 Бѣжпш сподвижница, шашаясь съ каждымъ шагомъ ,
 И силъ не ощушя, счпшаешъ благомъ ,

Чпо мешы дѣтскія доспигла не упавъ,
Ждепъ общаго презора,
Угрюмага опъ спарцевъ взора,
Опъ рѣзвыкъ юношей насмѣшекъ и забавъ;
Ждепъ, — и съ спыда главу на перси преклоняепъ...
Но чпожъ?... все сонмище во длани ей плескаепъ!

*

Міръ судипъ въ насъ дѣла и подвигъ лишь единой;
Знапокъ ихъ мѣряепъ со способомъ и съ силой.

Э П И Т А Ф И Я ,

Супругъ его превосходительства О. И. А. сдѣ-
ланная по его прозбѣ.

Что разумъ? что краса? приапсшвъ совокупленье?

Прешли...и болѣ нѣтъ!

Едино не прейдешъ

Супруга сокрушенье.

О другъ души моей! часъ жизни моя!

Возри на скорбь съ шобою разлученныхъ,—

Услышь пшенцовъ своихъ, еще неоперенныхъ,—

Возспань! ... пусть лягу я.

Е Й Ж Е.

Восплачь и воспени сынъ счастья со мною!
И я былъ радостными богаты, какъ пы!
И пы, подобно мнѣ быть можешь сиропю!
Ии добродѣтели, — ума, — ни красны
Смерть хладная въ женѣ сей не почпила:
Супругу, мать и дочь въ одной, увы! сразила
При самомъ цвѣтѣ юныхъ дней.
Гдѣ радости? — и гдѣ надежды міра?
Нѣтъ прочнаго для насъ въ юдоли сей!
О Боже, Боже! умудри и призри сира!

НА СЛУЧАЙ ДѢТСКАГО ПИРШЕСТВА,
 бывшаго въ Павловскѣ 1810 года Юня 16 дня.

Что за видѣнье?..

Что за воспоргъ?

Прелеснь Эдема!

Сонмы красопъ!

Гдѣ я вишаю?...

Чье шоржештво?

*

Сонъ ли мнѣ сладкій

Вежды сомкнулъ?

Грезы ли дивны

Думу влекушь?

Чары ли мочны

Взоры слѣпяшь?

*

Вижу Богиню

Въ смершныхъ лице;

Лели безкрылы

Въ купы свились,

Плавно на встрѣчу

Къ ней пошекли.

*

Душу во взорахъ,
 Смѣхъ на успахъ,
 Дружбу нежливу
 Чистыхъ сердець
 Лели Богинѣ
 Въ даръ принесли.

*

Съ поступью важной
 Крошкихъ боговъ,
 Матери нѣжной
 Съ лаской въ очахъ
 Манишь Богиня
 Лелей къ себѣ.

*

Тѣшишь, ласкаешь
 Къ персямъ прижавъ;
 Сладки нектары
 Въ чашахъ злапыхъ
 Сребреной дланью
 Дѣлишь межъ нихъ.

*

Лели взыгрались
 Прядаютъ вокругъ;
 Всѣ къ ней прижашься
 Къ персямъ хопяшь:
 Персны лобзають, —
 Ткани одѣждъ.

*

Гласъ мусикійскій

Воздухъ попрасть ;
 Парами Лели
 Гордо плывушь :
 Вдругъ запорхали
 Съ звукомъ цѣвницъ .

*

Вижу прелесныхъ

Опроковъ двухъ ,
 Въ пляскахъ размѣрныхъ
 Вихремъ лешащъ ;
 Станны, умильны ;
 Взглянушь, — дарящъ .

*

Сколько лилея

Стебля бѣлѣй ,
 Сколько блискаетъ
 Въ звѣздахъ луна ;
 Такъ опмѣнилась
 Въ купахъ чеша .

*

Фебъ изумленный

Пира красой
 Дышетъ зефиромъ ,
 Свѣшипъ ярчѣй ;
 Смотритъ умильно ,
 Взоромъ не жжешъ .

*

Вѣпры зачихли,
Пшицы молчапъ,
Рыбы въ испокахъ
Плесомъ не бьюпъ;
Лиспья древесны
Замерли всѣ.

*

Чшо за видѣнье?...
Чье шоржество?
Въ раѣ ли горнемъ
Я средь духовъ?
Ты у МАРИИ
Въ раѣ земномъ.

НА ИСТУКАНЪ ОРФЕЯ.

О сколь гармоніи чудесна сила!
Здѣсь левъ смирясь къ ногамъ швоимъ упаль;
Тамъ ада спражъ блюсь въходы забываль,
И жершву смершь свою обратно возвратила.

К Л И Т А Н Д Р У ,

кошорый предпочиталъ дурнаго пѣвца
хорошему.

Алцей, ты говоришь, поеть Фадея хуже !
Пошише говори ! Услышишь Аполлонъ
И шупочку съ побой съиграетъ шуже,
Съигралъ какую онъ
Съ Мидасомъ, за его сужденія кривые :
Ослиные шебъ даспъ уши иль свиные -

ОБЪЩАНІЕ СТРАЖДУЩЕМУ БЕЗСОННИЦЕЮ.

ОНЪ.

Я ночи всѣ не сплю, — помлюсь, — изнемогаю

Я.

Уснешь, — не унывай! Поэму я слагаю. *)

*) Сія мысль повстрѣчалась мнѣ тогда, какъ я писала дидактическое свое о *статии* спихошвореніе.

Р О Н Д О .

„*Капризы* не бѣда, — “твердитъ философъ Сава!
„Милою обладашь кпо ищешь права,
„Топть можешь видѣшь ихъ сквозь пальцы, сквозь ларнеть;
„Тому они ей, ей не слишкомъ въ дальній вредъ .
„О красопѣ ея гремишь по свѣспу слава;
„А денегъ! — счешу нѣшь ужель при нихъ до нрава?
„Онѣ лицу, душѣ и разуму приправа .
„Запью шампанскимъ я и въ ужинѣ и въ обѣдѣ
„*Капризы* .
„Червонцы намъ въ бѣдахъ приспанище, забава.“ —
И вопѣ уже онѣ рабѣ супружеска успава;
И вопѣ съ Миленою живешь уже пяль лѣшь;
И вопѣ шампанскаго, красопѣ, червонцевѣ нѣшь .
„Но чшожь оспалоса?“ спокойшвія оправа:
Капризы .

ВЪ АЛЬБОМЪ К. Д. В.

Подиви чпобы мнѣ въ альбомѣ написать?
Скажуль: она мила, добра, веселонравна,
Малюпкѣ дочери нѣжнѣйша машь?
Всякъ знаетъ шо издавна.
Прибавлюли? она прияшнаго лица!
Такія новоспи лишь нужны для слѣпца.

Э К С П Р О М Т Ъ Н А В О П Р О С Ъ :

*кто изъ всего дышущаго менѣе наслаждается
жизнію?*

То Бога лучшее шворенье;
Умомъ снабженный человекъ!
То сей, кому Предвѣчный рекъ:
„Тебѣ, тебѣ на услуженье
„И швердь, и землю я создалъ,
„Моря на сушу проліялъ
„Въ эфирѣ утвердилъ свѣшила,
„Что несгараемымъ огнемъ,
„Дана чудесна мною сила
„Горѣшь всегда въ нощи и днемъ.

„Тебѣ, тебѣ на услуженье
„Сей міръ я шварью насѣлил;
„Звѣрей свирѣпыхъ научилъ
„Покорно чпишь швое копѣнье.
„Велѣлъ, по гласу швоему
„Скошу безсмысла умудришься;
„Изрекъ ему: да подчинишься...
„Изрекъ, — и шы глава всему!

„Тебѣ, шебѣ на услуженье
 „Велѣлъ я злакамъ прозябашь,
 „Цѣвспи очей въ увеселенье,
 „Плодами тучну снѣдь давашь.
 „Велѣлъ, да въ спройномъ вспавиши чинѣ
 „Послужишь вся шебѣ земля, —
 „И самы нѣдра чшобъ ея
 „Твоей рабошали гордынѣ.

„Велѣлъ, — и внявъ земля приказѣ
 „Послушна се Творца словамъ:
 „Течешъ сребро къ швоимъ ногамъ,
 „Изъ перспи зиждущся алмазы,
 „Кипишь съ пучиною земчугъ;
 „Чшобъ швой увеселишь досугъ,
 „Родяпся мраморныя горы,
 „Злапый скопляешся песокъ,
 „И самы древь шончайши поры
 „Точашъ шебѣ полезный сокъ.

„Благихъ даровъ моихъ щедршой
 „Тебя снабдивый до конца,
 „Хощу, да дѣлъ своихъ доброшой
 „Восхвалишь пы во мнѣ Творца, —
 „Восхвалишь и души весельемъ:
 „Къ судьбамъ моимъ благоговѣнемъ!“ —
 Но чшо? . . . сей міра власпелинь,
 Опъ первыхъ счастья измѣненій,
 Изъ сонма всѣхъ земныхъ швореній
 Не хвалишь лишь его одинъ !

ПѢТУХЪ СТОРОЖЪ.

На по журавль, чпобъ не дремали шуки!
 Когда въ овчарню волкъ зайдешъ опъ скуки
 Не волкъ въ помъ виновашъ, паспухъ!

Ученой былъ у барина пѣпухъ,
 И баринъ пѣпуху сперечь велѣлъ пшеницу.
 „Дамъ жипа“— говоришь—„овса шебѣ, пшена;
 „Пшеницы шы не клюй лишъ ни зерна
 „Да прочую опъ ней гони исправно ппицу.
 „Услужишь мнѣ, счаспливъ; а нѣпъ: смопри!“—
 Такъ спрого пригрозя,—ну какъ не бышь безпечнымъ.
 Спалъ спорожъ на часы: споишь день, два и ппри;
 Ни вспрѣчнымъ опъ него, несполько поперечнымъ,
 Роденькѣ пѣпухамъ,
 Кохписпымъ коршунамъ, нахальнымъ воробьямъ,
 Смиреной голубицѣ:
 Нѣпъ, словомъ, никому пощады на пшеницѣ,
 Всѣхъ носомъ клѣвъ, да клѣвъ, кпто къ ней ни подойдетъ.
 Съ ползущихъ, ходящихъ, лешящихъ не смигнешъ.
 И самъ не спрогаешъ ее ни мало.

Конецъ бы пошъ же былъ какое и начало ;

Но жадность, корень злу всему ,
Надѣвъ припятную личину,
Сказала шакъ ему :

„Пѣшухъ! себя совсемъ не видно господину ;

„Клюнь зернышко, хоть разъ!

„Ну клюнулъ, и прошло. .. подальше, въ добрый часъ .

„Что ново, то спрашишь; извѣдано, — ужь шупка!

„Ужель опъ швоего малюпочки желудка

„Господскій будешь пусъ амбаръ?“ —

Совѣпчика въ доводахъ даръ
Пришелъ по мысли пѣшуха .

Конечно, думалъ онъ, не много въ помъ грѣха!

Симъ маленькимъ носкомъ,
Не разорю я барскій домъ .

Пѣшухъ мой правъ! и мысль его неспорно права!

Обѣды одного не сдѣлають вреда .

Но вопъ бѣда :

Съ кого примѣръ берущъ? съ присшава.
Случилось почно шакъ и пущъ .

Увидя, что пѣшухъ пшеницу началъ кушашъ

Всѣ спадомъ на нее лепяшъ, бѣгущъ

И спорожа не мысляшъ слушашъ .

Онъ слово имъ; они въ оппоръ словамъ :

Не кушай самъ .

Ну что пущымъ поможешъ споромъ!

Ходишь по прежнему дозоромъ

Ошоша въ немъ прошла ; —

Да какъ изъ сыпнаго все вскакивашъ шоло!

Такимъ-шо способомъ пшеничка убыла :

Едва, едва ее оспалась половина.

Дошла ша вѣспь до господина.

Бѣжишь онъ къ пѣпуху, — шумишь, и кажешь прущь!

„Ужь я шебя достану!“ —

Кричишь ему — „ахъ плущь!“

„Изрядно пы родѣль господскому карману!“

А шопъ въ опвѣпъ: не дай напраслины перпѣшь;

Однѣ глаза, — всего не угладѣшь!

И впрямъ у пѣпуховъ *однѣ* у всѣхъ глаза!

Хозяинубъ давно

Я не скажу нужна лоза;

Но чаще взглядывашь въ окно.

РАЗГОВОРЪ МЕЖДУ МНОЮ И ЖЕНЩИНЪ.

ЖЕНЩИНЫ.

Сесприца душенька! какая радость намъ!
 Ты слихотворица! на оды, припчи, сказки,
 Различны у тебя гошovy краски,
 И вѣрно ближе ты по сердцу къ похваламъ.
 Муциныжъ милая . . . Ахъ, Боже упаси!
 Языкъ, — какъ оспрыи ножъ!
 Въ Парижѣ, въ Лондонѣ, — не полько на Руси, —
 Вездѣ равны! Заладяшъ пожъ, да пожъ:
 Однѣ руганельства, — и все спрадаюшъ дамы!
 Ждемъ мадригаловъ мы, — чипаемъ эпиграмы.
 Опъ брашцевъ, муженьковъ, опъ башюшковъ, сынковъ
 Не жди похвальныхъ словъ.
 Давно хопѣлось намъ своей пѣвицы!
 Поешъ ли ты? скажи иль да, иль нѣтъ.

Я.

Да, да, голубушки сесприцы!
 Хвала Всевышнему! пою уже пяшь лѣшь.

ЖЕНЩИНЫ.

А что проѣла пы въ пѣ годъ ?
 Признайся Рускому не всѣ мы учены;
 А Рускія писанья мудренны;
 Да правда, вѣшь на нихъ шеперь и моды.

Я.

Пою природы я красы;
 Рогами мѣсяцъ въ воду спавлю;
 Счисляю капельки росы;
 Восходъ свѣшила славлю;
 Лѣвлю пасшва по лугамъ;
 Даю свирѣли пастушкамъ;
 Подругамъ ихъ цвѣты вплешаю въ косы,
 Какъ лень свѣпловолосы:
 Велю, схващясь рука съ рукой
 Бѣжашь на пляску имъ съ прыжками;
 И рѣзвыми ногами,
 Не смаяшь чшобъ шравки ни одной.
 Вздвигаю до небесъ скалы кремнисты;
 Сажаю дресеса вѣшвиссты,
 Чшобъ шарца, въ жарки дни,
 Покропшь въ ихъ пѣни.
 Ловлю по розамъ мопыльковъ крылашихъ;
 Созавъ пѣвцовъ пернапыхъ
 Сама помлюся я
 Въ согласной шреди соловья.
 Иль вдругъ, конямъ раскинувъ гриву,

Велю восточный вѣпръ переспиташь,
 До облакъ прахъ копытами взмешаешь.
 Рисую класами вѣнчанну ниву,
 Что видѣ ошъ солнечныхъ лучей
 Приливъ морей,
 Изъ злапа расплощенныхъ
 Кольнешся, рябишь, блеснишь,
 Глаза слѣпишь,
 Гоповясь наградишь орашаевъ смиренныхъ.
 Природы красошой
 Гласъ робкій укрѣпляя мой
 Вдругъ дѣлаюсь смѣлѣя! —

Ж Е Н Ш И Н Ы .

Эге! какая ахинея!
 Да слова мы про насъ не видимъ шутъ
 Что пользы пѣсни намъ пакія принесушь?
 На что швоихъ скоповъ, комолыхъ и съ рогами?
 Не намъ ходишь на пасшву заспадами!
 И шакъ, пѣвица пы звѣрей!
 Изрядно!.... но когда на шу спушила ногу, —
 Иди въ берлогу,
 Скишайся средь полей,
 И всеу не пягчи сполицы.

Я .

Нѣшь милья сесприцы!
 Пою я шакже и людей.

ЖЕНЩИНЫ .

Похвально! но кого и какъ ты величала?

Я.

Подчасъ я подвиги мужей испѣвала,
 Въ кровавый чпо вступаю бой,
 За вѣру и царя живопись скончали свой,
 И гуломъ рашное сопрясни поле,
 Несла подъ лавромъ ихъ опшполѣ
 Кропя слезой.
 Подчасъ, опть горести и споновъ,
 Прейдя къ блюспишелямъ'законовъ,
 Весельемъ полня духъ,
 Подъ ихъ Эгидою безопасно опдыхала.
 Подчасъ къ пшпамъ я вперяя слухъ
 Предъ громкой лирой ихъ колѣна преклоняла.
 Подчасъ,
 Почпеніемъ влекома,
 Я пѣла Физика, Химиспа, Аспранома.

ЖЕНЩИНЫ .

И шупъ ни слова нѣшь про насъ!
 Вопъ подлинно услуга!
 Такъ чшо же намъ въ шебѣ? на чшо ты намъ?
 На чшо узилась ты спихамъ?
 Тебѣ, чшобъ брать изъ своего все круга;
 А ты пушилася хвалишь мужчинъ!
 Какъ будшобы похвалъ ихъ спомишь поль одинъ!
 Измѣнница! сама размысли зрѣло,
 Твое ли эшо дѣло!

Иль нѣтъ у нихъ хвалищелей своихъ?
Иль добродѣтелей въ насъ меньше чемъ у нихъ!

Я

Все правда, милыя! вы ихъ не ниже;
Но ахъ!
Мущины, а не вы присуществуюшъ въ судахъ,
При авторскихъ вѣнкахъ,
И слава авторска у нихъ въ рукахъ;
А всякой самъ къ себѣ невольно ближе. *)

*) Да проспишися мнѣ шулка сія изъ снисхожденія къ веселонравнымъ музамъ, копорыя любяшъ мѣшанъ дѣло съ бездѣльемъ. ложъ съ испинной, и невинной рѣзвостію увеселяшъ бесѣды.

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА.

ВЕСНА.

На легких крыліяхъ воздушныхъ,
Со связкой ясныхъ, долгихъ дней;
Снявъ взоромъ льдины съ рѣкъ, морей
Спорхнулъ съ меридіановъ южныхъ
Роскошный, юный, рѣзвый Май;
Едва дохнулъ изъ края въ край,
Вмигъ скрылись пучи бѣлоснѣжны,
Разчистился лазурный сводъ,
И Нордовы сыны мяпежны
Мушкетъ не смѣли свѣплыхъ водъ.

*

Въ одѣждахъ чистыхъ, домопканныхъ,
Заплепши ландыши въ власахъ,
Плясавицы селеній разныхъ
Соплились на мягкихъ муравахъ
Межъ песпрыми скакать холмами;
Сцѣпились бѣлыми руками;
Пуспились по лугамъ сшрѣлой;

Зарю пышутъ ихъ ланипы,
И груди пканію обвипы
Вздымаются подъ пеленой.

*

Въ жерло зернистаго граната
Бьешъ съ шумомъ чистая вода;
На злакахъ горнаго покапа
Пасулся пучныя спада.
Въ различныхъ купахъ подъ кустами,
Со свѣплыми, какъ день очами,
Сидяпъ безопасно паспушки.
Ихъ снѣдъ: млеко съ суровымъ хлѣбомъ;
Но кипо счаспливѣй ихъ подъ небомъ!
Забопа ихъ: свирѣль, — рожки.

*

Какъ бархатъ опливаютъ правы;
Блеспятъ древа, какъ изумрудъ;
Одѣлись дубы величавы;
Бѣрезки благовонье шлюпъ.
Кружатся бабочки шолпою.
Тамъ собранъ медъ съ цвѣповъ пчелою;
Здѣсь малымъ, будущимъ ппенцамъ
Пернатые гошояпъ дома:
Пушинки, — былія, — соломы
Къ шому досшапочно пѣвцамъ.

*

Спеклись подъ сѣнь съ работою жены ;
Работа ихъ: веселый пирь .
 Млекомъ воѣ чаши наполнены ;
 Въ сосудахъ не вмѣспился сыръ .
 Но въ помъ ли полько паспвъ ихъ дани ?
 Онижъ несущъ и мягки пкани .
 Леппитъ волна съ несчетныхъ спадъ ;
 Объяпы агны ложнымъ спрахомъ ,
 Ждупъ смерпи съ каждымъ длани взмахомъ :
 Споль юнымъ имъ сей новъ обрядъ .

*

На заступъ грудью налягая
 Креспьянинъ роетъ огородъ :
 Съ чела его капится пощъ ;
 Но Реи дщерь, въ дарахъ благая ,
 Сулищъ ему взроспипъ плоды, —
 И легки шяжкіе пргды .
 Подъ плугомъ волю сгибаептъ шею,
 Вопще яремъ прряся съ роговъ ;
 Орашай съ раннею зарею
 Смѣняль на ниву мирный кровь .

*

Онъ первый зрѣль шѣ пышны виды,
 Какъ свѣплый, злаповласый богъ ,
 Оспая опдыха чершогъ ,
 Изшелъ изъ влажныхъ царспвъ Фешиды ,
 Бросая искры изъ очей .

Опъ ярка блеска ихъ лучей
 Покрылись злапомъ бапни , домы ,
 Горяшъ верхи безплодныхъ скалъ ;
 Легла финифшь на лѣсъ , на холмы ,
 Огнемъ сверкаешъ спаль ораль .

*

Какъ дымъ опъ жершвенна кадила ,
 Сполпомъ посланный небу въ даръ ,
 Несешся шакъ къ лицу свѣпила
 Изъ нѣдръ земли изшедшій паръ .
 Люопъ въ воздухъ шравы аромашы ;
 Запѣли гимнъ пѣвцы крылашы ;
 Сбѣжались малые звѣрки
 Умыпъся свѣжею росою :
 Прельспися феба лѣпопою
 Забыли хищну власъь руки .

*

О , сколь обилень мѣръ красою !
 Премѣнныхъ вкупѣ сколь въ немъ благъ !
 Но кшо съ поникшею главою ,
 Какъ спранникъ мѣра , — паче : врагъ ,
 Сидишь на мшиспомъ пнѣь средъ ночи ?
 Чей мрачный видъ , — чьи грозны очи
 Въ душѣ соккрытый кажупъ адъ ?
 Какъ шпанъ шампся подъ скалами !
 Власы его свились съ куспами ;
 Чело покрылъ смерпельный хладъ .

То узникъ воли самонравной,
 Что самый рокъ осилишь мнилъ;
 Но въ бой всупая съ нимъ неравной
 Сильнѣйшей волѣ уступилъ.
 Не споль бросаема чельнъ волнами,
 Колико онъ боримъ спраспями!
 Опъ яроспи въ немъ гласъ дрожишь;
 Какъ угль ражженный блещушь взоры;
 Какъ вихри мчася мысли скоры,
 И каждая другъ друга шмишь.

*

Вопще, капяся по лазури,
 Лепъ свѣпмый лучъ къ нему луна!
 Вопще молчащъ полнощны бури
 Въ объятіяхъ покоясь сна!
 Вопще, у ногъ его мелькая,
 Ликъ полный фебы отражая
 Журчишь серебряный ручей;
 Надъ розами зефиръ порхаешъ,
 И шихій воздухъ попрысаешъ
 Трелиспой пѣсню соловей!

*

Онъ чуждъ всего: не зришь,— не внемлешъ;
 Лишь рокъ прoderзоспно кланешъ.
 Скорбь мысли, умъ его объемлешъ;
 Грудь скрышый пламень жжешъ.

Какъ Эшна лаву извергаешъ,
 Такъ онъ Творцу хулы рыгаешъ:
 „Почпо,—почпо“—онъ говоришь,—
 „Сей спройный чинъ природы
 „Текущи не глопающъ годы!
 „Почпо сей лѣный мѣръ споишь!

*

„Почпо не упадуть свѣтила!
 „Увы!... лучъ солнца не погасъ,
 „И вѣчна ночь земли не скрыла!—“
 Такъ перспи сынъ гласишь ярься.
 Тебѣль о, смерпный! вѣдашь ропощъ!
 Склонись подъ крашкѣй скорбей опышь:
 Ты царь красощъ несмѣпныхъ сихъ!
 Ты спихіямъ даешъ законы;
 Громамъ извнѣ воздвигъ препонъ;
 Но—ахъ!... пы рабъ спраспей своихъ!

Л Ъ Т О .

Упалъ палящій лучъ съ зеница!
 Вѣгупъ спада подъ пѣнь развѣсистыхъ лѣсовъ,
 Не раздаешся кликъ веселыхъ голосовъ,
 Мрещъ роза пылію покрыва .

*

Поблекъ въ долинахъ пучный злакъ;
 Ражженная земля огнями въ воздухъ дышешъ;
 Любимаго ручья въ лугахъ паспухъ не слышишь:
 Испитый фебомъ онъ изсякъ .

*

Не скачупъ серны съ скаль на горы;
 Томился жаждою блестящій червячокъ;
 Чуть дышешъ спрекоза согнувшисьъ подъ листокъ;
 Въ куспахъ зефиръ не ищешъ Флоры .

*

Вѣгупъ наемницы съ полей;
 Палъ селянинъ лицомъ на шоще пощвы;
 Сокрылись подъ навѣсъ веселонравны дѣвы!
 Не видно на справѣ дѣшей .

Все съ лакомъ вмѣспѣ увядаешъ!
 Умолкли струны арфы,—вздръмалъ сонмъ игръ, ушѣхъ,
 И шварь словесная въ нихъ не перпя помѣхъ
 Успа для жалобъ опшверзаетъ.

*

Но се Гласъ Бога: препенци!
 Ударилъ громъ,— и прескъ по скаламъ пробѣжалъ,—
 И гуль скапился въ доль,— и доль шопъ задрожалъ,—
 И скрылось солнце, какъ въ ноци.

*

Бѣгупъ опшвсюду черны шучи;
 Вспрѣчаясь въ воздухѣ другъ друга съ шумомъ прущъ,
 Облегши небеса природѣ спрахъ несупъ,
 И вержупъ сѣрный смрадъ горючій.

*

Вспрянулъ Эоль,— разпоргнулъ цѣпъ,
 Завылъ, помчался въ боръ; гнелъ къ корнямъ дубы съ
свиспомъ,
 Сполбами вѣешъ прахъ,— крушишь древеснымъ лиспомъ,
 Кавыломъ воздымаешъ шепъ.

*

Возсѣлъ на хлябъ, содвинулъ воду,
 Вѣршилъ со дна песокъ, бешъ въ брегъ сѣдой волной,
 Покрылъ лице морей угрюмой синевой;
 То съ Норда мечешся,— шо къ Норду.

Спустилась пьма средь сама дни;
 Лишь молнія вьась зміей изъ пучь зіяешъ,
 Всеобщи ужасы природы озарешъ,
 Геруномъ мещучи огни.

*

Уходишь скопъ въ различны спраны;
 Гадашель ласпочка премѣннымъ въ небѣ прямъ,
 То долъ крыломъ мешешъ, по вьепся къ небесамъ;
 Вскричались зловѣщи враны.

*

Въ сомкнурыхъ ужасомъ успахъ
 Нѣмѣюшь жалофы у швари дерзновенной;
 Смирясь она мольбой предъ Господомъ вселенной
 Лобзаешъ раболѣпно прахъ.

*

И се... молчашъ громовъ удары!
 Погасли молніи, — проникнуль дневный свѣшъ;
 Эоль въ пещеру сшелъ, согнувъ подъ цѣпъ хребешъ;
 Дождемъ низпали пучи яры.

*

Какъ быспрый вержась водопадъ,
 Съ верховъ высокихъ горъ ліешъ рѣку изъ урны;
 Такъ швердъ разверзшая дожди пуспила шумны,
 Чшобъ взяпое ошдапъ назадъ.

Мгновенно, хлынувшія воды,
И глыбы глиняны, и прахъ влача съ землей
По спогнамъ пошекли нечиспою спруей,
Какъ будпобы копившись годы.

*

Какъ шопи сдѣлались луга;
Прияли видъ ручьевъ бразды несыпы,
Что раломъ пахаря на пажихяхъ изрыпы,
И хлыщущъ въ рѣки чрезъ берега.

*

Но се... О, радость! изпощились!
Рѣдѣеть ливный дождь на часпи раздроблень;
Спаль воздухъ правами прияпно окуренъ;
Пищъ пѣньемъ роци огласились.

*

Согбенны гибкимъ шебелькомъ,
И спройный василекъ, и колосы осиспы,
Подъяли распрямясь, головки кверху чиспы:
Пьющъ жадно воду корешкомъ.

*

Лепящъ зефиры легкокрылы,
Садяся на липски, — прильнули шамъ, и шуптъ;
То съ нихъ омышу пыль, шо капли въ низъ шрясущъ
И дующъ изо всей въ нихъ силы.

Въ кружокъ собравшись безъ вожда,
 На шалость скорые, малюшки ребяпенки:
 „Ай маминька!“ — кричащъ, смочивши волосенки, —
 „Поспой! я выросшу съ дождя!“ —

*

Окно креспьянинъ опкрывая,
 Большой съ чела на грудь усердно креспъ кладешъ:
 „Мой прудъ“ — онъ говоритъ — „шеперъ не пропадешъ,
 „И нужда не грозитъ мнѣ злая!“ —

*

У входа старецъ сѣдши врапъ,
 Склоняся сѣдинами, дождя внимая шуму,
 Мирскую суешу себѣ приводишъ въ думу,
 И быспрый счастья коловрапъ.

*

„Какъ падши“ — мнишъ онъ — „капли водны
 „Съ рожденьемъ купно мрупъ, дробясь въ самихъ себѣ,
 „Такъ бранный челоуѣкъ: изшелъ... и се не бѣ!
 „Увы! чшожь почеспи народны!

*

„Почшо, распаяв брапьямъ сѣпъ
 „Онъ сладко дружескио несепъ на жершву леспи, —
 „Почшо кипишъ вънемъ желчь, и ядъ свирѣпой меспи?
 „На шоль, чшобъ зло вкусивъ умрешъ!

„Почпо изъ нѣдръ семейспва мила,
 „Опъ ложа мирнаго, надежный брося кровь,
 „Безумно мечепся межъ зыбкихъ онъ валовъ,
 „Гдѣ смерть вчера ему грозила!

*

„Упѣхи шамо видипѣ онъ,
 „Нерѣдко мнимыя,— всегда со зломъ сцѣпленны,—
 „И брося назади упѣхи сердца вѣрны
 „Игрою спалъ мяпежныхъ волнь!

*

„О суешность! дщерь горькой славы!
 „Коликой плашимъ мы за пѣнь швою цѣной!
 „Какъ идолу шебѣ мы въ дань несемъ покой,
 „И жизни шихія забавы!“—

*

Такъ спарецъ рекъ съ собою самъ,
 Волѣзнуя въ душтѣ о каждомъ лживомъ шагѣ,
 О прапѣ счастья,— и гроба онъ на прагѣ
 Позналъ, чемъ жершвовалъ мечшамъ.

Продолженіе двухъ слѣдующихъ временъ будетъ
 впредь.

ПАДЕНИЕ ФАЕТОНА,
баснословная повѣсть.

ПОЧТЕННОМУ МОЕМУ БЛАГОДѢТЕЛЮ ;
РѢВНОСТНОМУ ПОКРОВИТЕЛЮ ОТЕЧЕ-
СТВЕННОГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ,
ПИТОМЦУ МУЗЪ и ПОБОРНИКУ ТЕМИДЫ,
МУЖУ ДОСТОЙНО УВАЖАЕМОМУ ,

НИКОЛАЮ СЕМЕНОВИЧУ
МОРДВИНОВУ.

въ знакъ душевнаго погтенія посвящаю.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Самое предисловіе сіе показываешъ уже сколь малую имѣю я къ себѣ довѣренность, и сколь велика при изданіи Фае-пона моя робость. Самымъ предисло-віемъ симъ сознаюся уже я въ несчет-номъ множествѣ погрѣшностей, — или справедливѣе, — въ слабости и недостап-кѣ моихъ силъ. Ибо къ чему служишь оно, какъ не къ единому только хода-шайству себѣ пощады; а кто ходашай-ствуетъ ее, шопъ уже говоришь: я ви-новапъ.

Правда, бывають вины, которымъ не, взирая на выгодное обыкновеніе спа-вишь въ заглавіи слабыхъ сочиненій пло-довишья предисловія прудно сыскашь благовидную, въ ходашайствѣ пощады причину. Точно въ шакихъ и я нахожусь шеперь обстоятельстввахъ! Скажули, что сочиненіе Фаефона было шоль же бы-строе, какъ и самое его паденіе? Буало и

здравый разумъ порописья запрещающъ; слѣдовательно, оправданіе мое послужишь поводомъ къ сугубому меня обвиненію. Возложу ли вину на стропщивость музъ? пошь же Буало и здравый разумъ осудяшь лиру мою навѣчное молчаніе.

Паденіе Фаэтона естъ почти первое стихотвореніе, въ которомъ не руководствовалась я совѣтами просвѣщенныхъ моихъ наставниковъ; почти первое, которое не было подвержено предварительному ихъ разбору; которое соблюло всѣ данныя ему мною погрѣшности, и которое вдобавокъ, можешь назваться *скороствѣлымъ* и неисправленнымъ.

Председатель должностнаго разряда Бесѣды Любимелей Рускаго слова по личному ко мнѣ снизхожденію желалъ непременно въ чтеніи своемъ имѣшь мое стихотвореніе; я по личному къ особѣ его уваженію обѣщала повиноваться. Время протекало. Онъ непрестанно повпорялъ мнѣ свою волю; я колебалась

въ выборѣ содержанія, не умѣла на чемъ оспановишься,—мѣшкала,—и чтение приближилось. Тогда-то баснь Фаэтона предспавила воображенію моему обширное поле для искуснаго сподвижника. Силы мои казались мнѣ слабы и несоразмѣрны споль великому подвигу. Едва обнимала я несчетное множество красотъ, спаящихся въ сокращенномъ, и спакъ сказаешь эпизодическомъ неподражаемаго Овидія повѣспованіи, копорое по свойству своему опвергало всякую подробность. Мѣспа наиболѣе у него разспраненныя, будучи догматами или вѣры идолопоклонниковъ, или ложной спсемы обращенія небесныхъ спѣлъ немогли служить перу моему образцами. Важное современнымъ чипапелямъ Овидія немогло бытъ ни любопышно, ни занимательно для моихъ. Я видѣла опасность моего предпріятія; чувспвовала сколь великая поспребна разборчивость въ выборѣ сихъ красотъ, копорыя сплою бросались на вспрѣчу моему вооб-

раженію, и которыя могли увлечь меня за предполагаемыя мною предѣлы; понимала, что баснь Фаефона ожидаетъ пера, гораздо искуснѣйшаго нежели мое, но прелестъ предмета превозмогла. Почту себя награжденною и тогда, естли слабый опытъ мой внушитъ кому изъ новѣйшихъ стихотворцевъ нашихъ желаніе предложитъ баснь сію въ помъ совершенствѣ, къ принятію котораго она способна. Пускай, неискусное произведеніе мое помрачится искуснѣйшимъ! пускай деже предасъся оно забвенію; лишь бы словесность Руская сдѣлала чрезъ то выгодное себѣ приращеніе.

Паденіе Фаефона, цѣлою половиною сокращенное удоспоилось бытъ читано въ Бесѣдѣ Любителей Рускаго слова, и въ помъ же почти видѣ напечатано въ четвертой книгѣ ея чтенія. Таковое сокращеніе, какъ я слышала было сдѣлано въ нѣкоторыхъ мѣстахъ за вялость, или неблагоустройство слога; въ нѣкоторыхъ за ненужную плодовитость; а въ нѣкто-

рыхъ для того, что опредѣленные для чтенія два часа были предославлены двумя сочиненіямъ, гораздо моего превосходнѣйшимъ. Выпущенные въ подлинникъ моему мѣста объявляли о себѣ, есшлы не ущербомъ смысла, по покрайней мѣрѣ недоспакомъ сочешанія риемъ. Почпенный Предсѣдатель должностнаго разряда Бесѣды Любиспелей Рускаго слова соблаговолилъ обременишь себя и сими поправками. Онъ взялъ на себя шрудъ во всѣхъ выпущенныхъ мѣстахъ ввешпи приличныя спроки, и возобновишь разрушенное риемъ сочешаніе. Я слушала и чпшала собшвенное сочиненіе свое приапно переобразившимся. Немалое число спиховъ были переспавлены съ мѣста на другое; еще большее, пояснены полезными вспасками: какъ по нарѣчіями, мѣспоименіями и проч. нѣкошорые даже замѣнены вновь сочиненными.

Намѣреніе мое было не объявляшь себя за авшора Фаешона, и не предавать его шисненію до шѣхъ поръ, пока не при-

веду въ лучшее посылаю моимъ соспо-
 ніе. Къ сему попребны были годы. Мнѣ
 хошѣлось забыть его совершенно, и по-
 помъ приспупись къ поправкамъ. Но
 нѣкоторыя причины заспавили меня на-
 печашашъ его въ помъ шочно видѣ, и съ
 шѣми же самыми погрѣшностями, съ
 копорыми выщель онъ изъ подъ моего пе-
 ра. Во всѣ времена, и увсѣхъ народовъ
 частныя обшпоятельсшва вредили успѣ-
 шамъ словесности.

Большаго пруда, большаго надъ собой
 насилія споило мнѣ опрещисъ ошъ шѣхъ
 ученыхъ поправокъ и прекрасныхъ спи-
 ховъ, коими Фаешонъ мой былъ укра-
 шень при чшеніи. Знаю, сколь много ше-
 ряю предспавляя его въ шербшпномъ,
 грубомъ соспоянніи; но присвоивашъ себѣ
 чужое благоразуміе, почишаю хищниче-
 спвомъ всякое воровсшво прѣвышаю-
 щимъ. Да и можно ли, безъ упрековъ
 совѣспи захвапывать чужое имущество
 подъ предлогомъ, что оно красиво и
 выгодно.

Осмѣливаюсь однакоже признапсья,
что въ слѣдующихъ ниже сего спрокахъ
мнѣніе мое съ поправкою не согласно. У
меня сказано :

Но естли духъ къ правленю сей,
Ты вышшимъ благомъ чпишь надъ благами земными,
Начни съ своихъ спраспей,
И будь правилелемъ надъ ними . .

поправлено :

Коль правишь солнцевыхъ коней
Ты вышшимъ благомъ чпишь надъ благами земными,
Начни съ своихъ спраспей,
И будь правилелемъ надъ ними .

Я мыслю, что Фаефонъ, сколь ни
безразсуденъ былъ, немогъ почипашъ вер-
ховнымъ благомъ *править коней*. Ему
хопѣлось управляшь судьбою міра; ибо
каждому извѣстно, что свѣшь и тепло-
та сущь единспвенные изпочники жиз-
ни цѣлаго земнаго шара. Боюсь, непод-
вергаелся ли даже нѣкошорому сомнѣнію
и самый смыслъ сей рѣчи, и непосп-
раждешь ли логика опъ выведеннаго въ

поправкѣ заключенія. Заспавимъ кого
 нибудь сказаць другому: *Естьли ты по-
 читаешъ благомѣ управлять солнцевыми
 коньми, то управляй своими страстями.*
 Наспавляемый, кажешся мнѣ, можешъ
 ошвѣтспивовашъ своему наспавнику: *есть
 ли я почитаю благомѣ управлять солн-
 цевыми коньями, то мнѣ кони его и нуж-
 ны; а страсти мои суть нѣкто иное.*

Еще осмѣливаюсь мыслишь, что въ
 словѣ *иней* нельзя сдѣлашь ударенія на
 вшоромъ слогѣ. Въ поправкѣ сказано:

Изъ успѣ дыханіе инеевъ вмѣсто словъ.

Сверхъ неправильнаго ударенія шупъ
 ненаходится смысла. Можешъ бышь ошъ
 того, что слова рѣчи сей не связаны ни
 какимъ глаголомъ.

Изъявя сожалѣніе мое о томъ, что
 не могу воспользовашься чужими красо-
 шами спѣшу признацься въ равномъ же
 сожалѣніи, что принужденною нахожусь
 печашать повѣстѣ сію безъ выпусковъ,
 сдѣланныхъ при чшеніи въ Бесѣдѣ. Тако-

вѣй поспупокъ мой производись опъ невѣденія, копорые изъ нихъ за недо-
споинспвомъ слога, копорые за ненуж-
нымъ обилиемъ, и копорые за недостап-
комъ къ прочпенію времени учинены.
Кажепся, сожженіе градовъ, чепырью
спроками описанное и соспавляющее
сущность повѣспи, ни къ одной изъ ска-
занныхъ причинъ принадлежашъ не мо-
жешъ. Тѣмъ болѣе, что въ изложеніи по-
вѣспвованія почпено было за нужное его
ввеспи: а обѣщанное въ изложеніи необ-
ходимо должно находись и въ самомъ
повѣспвованіи.

Равно недоумѣваю я, почему исклю-
чено крапкое умспвованіе Юпипера.
Мнѣ сказали, будпшо бы умспвованіе сіе,
сколь ни крапко, имѣешъ двѣ погрѣшно-
спи: первое, что не вмѣспно величію
бога, какъ бы изумляпсья непрочноспи
вещей собспвеннаго его шворенія; вто-
рое, что не прилично разсуждапъ памъ,
гдѣ должно дѣйспвовашъ. Въ шомъ и дру-
гомъ обвиненіи взываю я къ наилучшимъ

языческимъ писателямъ. Ни одинъ изъ нихъ не упускалъ случая влагать въ уста боговъ, особенно же Юпитера краткія, философическія умствования. Да и кому приличнѣе постигать преломимость счастья человѣческаго и непостоянство земныхъ вещей, какъ не божеству! Близость опасности не могла бытъ пому препятствіемъ. Чѣмъ гиббѣль ближе и знаменитѣе, тѣмъ поводъ къ умствованію кажется мнѣ законнѣе. Что же до времени принадлежишь; по почему не время было Юпитеру, шедшему въ свой съ громами арсеналъ предаться на пупи краткому философическому умствованію.

Есльми слѣдовашъ Юпитера по смыслу человѣческихъ законовъ; въ такомъ случаѣ ему давно надлежало бы уже дѣйствовашъ, и онъ гораздо болѣе пошерьалъ времени бездѣйствіемъ своимъ, нежели умствованіемъ. Перунъ, брошенный въ возницу при самомъ первомъ его шагѣ предварилъ бы бѣдствія, шолько по видимому неправедно землю

прешерпѣнныя. Но язычники такимъ образомъ разсуждашь не смѣли. Они спрашились слѣдовашь пайны божескихъ судьбъ; покорялись промыслу, не предписывая ему законовъ и не ропсали видя, что за одного виновнаго спрадаешъ тысяча невинныхъ: ибо думали, что премудрость божеская свыше слабаго понятія смерсныхъ.

Не могу также не пожалѣшь и о томъ, что почтенный издашель Фаешона не взялъ на себя труда пополнить сдѣланныхъ имъ выпусковъ. Выпуски сіи, не взирая на очевидную пользу вредяшь сочиненію; ибо сблжающъ мѣста, пребующія нѣкошораго расшоянія. Чишашель раздражается вспрѣшя рядомъ два параграфа одинакаго сосшава, и ничѣмъ не разнящагося между собою образованія. Дѣло не о краснорѣчіи: шрудно уже того опыскивашъ! но онъ шребуешъ, чтобы пощадили его слухъ. Ему неприяшно видѣшь два О! на чешырехъ шпрокахъ невольню сшедшіяся. (Смош. 90

спран. Чпенія въ Бесѣдѣ Любипелей Рускаго слова книга 4я). Въ семь обспояшельспвѣ спраждепъ его вкусъ; въ другомъ разсудокъ. Онъ чипаешъ поспавленные рядомъ *отецѣ* и *фебѣ*; (шамъ же 84я и 85я спран.) воображаешъ одно лице двойспвеннымъ, — и усмопря попомъ ошибку свою негодуешъ за чѣмъ его обманули.

Но всѣ шаковыя мѣлочи бессомнѣнія были уже одуманы почпеннымъ издашелемъ Фаешона. Можепъ быпъ своими малыми погрѣшностями соблаговолилъ онъ испушпъ мои большія.

Поясненіе, сдѣланное мною въ первой пѣсни, послѣ описанія Солнцевой сполицы, казалось мнѣ нужнымъ для шого, дабы не приняли сполицы сей за Пафось, многокрашно и подобнымъ образомъ спикопворцами описанной.

Пояснѣніе, сдѣланное мною во второй пѣсни послѣ первой Солнцевой къ госпю своему рѣчи, шакже казалось мнѣ нужнымъ по причинѣ, копорую я шамъ и предъявила.

Не знаю, справедливо ли мнѣніе, будто бы *Паденіе Фаэтона* должно бышь писано слогомъ важнымъ и единообразнымъ. Нѣкто сказалъ: „Овидій не шушилъ. Каждое лице повѣспи его дѣйствуваетъ и говоритъ прилично своему соспоянію: въ опцѣ видѣнь опецъ, въ сынѣ сынъ. Онъ идетъ къ цѣли своей проспо, быспро, не обремѣняя сказанія излишнею плодовишоспію и несовращаясь съ пущи ненужными шупками“.

Вѣрю. Но цѣль Овидія и новѣйшихъ писателей въ баснѣ сей одною бышь не можеть. Овидій не только не шушилъ; но даже не смѣлъ, и не долженъ былъ шупить произшествіемъ, копорому вѣриль, или, копорому принужденъ былъ казаться вѣрующимъ. Совсѣмъ иное съ писателемъ новѣйшихъ временъ. Не связываясь мѣспными предразсудками, и не храня уваженія къ баснѣ язычниковъ, можеть онъ почерпашъ въ ней самыя знамѣнитыя случаи, дабы направляшъ

ихъ къ той же цѣли, къ какой направлялъ Езопъ свои иносказанія; — или, дабы сдѣлать изъ нихъ по же употребленію, какое дѣлають комическіе писатели изъ слабостей человѣческихъ. Онъ можешь, безъ всякаго опасенія унизишь героя своего, кошорой для того только имъ и избирается: можешь обнаружишь въ немъ, не только спранныспи его, но и самыя дурачествва, и шушя ими произвеси въ чашапель желаемое впечатлѣніе. Лягушка, спарающаяся сравняшь съ быкомъ, и Фаефонъ въ небесахъ ведушь его къ одной цѣли. Кажеться, отецъ не переспанешъ бышь опцемъ, а сынъ сыномъ опъ того, что сей послѣдній безумень, — ни даже опъ того, что сочинитель примѣшается къ нимъ прешій. Публика соблагОВОЛИЛА приняшь безъ неудовольшвія два послѣдніе спиха вшорой пѣсни моего Фаефона; но никто разборчивый вкусъ имѣющій не проспиль бы ихъ Овидію. Ибо Овидій не могъ предполагашъ,

чтобы Солнцевъ сынъ удобенъ былъ произнести шоль глупое признаніе; пошому что и самые суешные гордецы шакимъ образомъ шолько что мысляшь, а не говоряшь.

Изъ сего слѣдуешь, что писатель истиннаго произшествія долженъ держаться и правдоподобія истиннаго; а писатель вымысловъ можешь довольствоваться правдоподобіемъ шолько предполагаемымъ. Онъ не заботился, могъ ли сказашь герой его приведенную имъ рѣчь, — сказаъ ли ее дѣйствительно, или шолько что помыслилъ. Ему довольно, когда онъ могъ шакимъ образомъ помыслишь, и когда пошупки его не противурѣчаютъ единожды успавленному въ немъ характеру.

Впрочемъ, я весьма нешвердо полагаюсь на мое мнѣніе, и не осмѣливаюсь выдавать его за неоспоримое.

Собшвенный разумъ мой убѣждаетъ меня въ шомъ, что издаваемое мною шеперь сочиненіе намешано, шакъ сказашь

вчернѣ, и предсщавляешъ собою груду не упопрбленныхъ еще матеріаловъ. Въ немногихъ шолько онаго мѣспахъ видна посильная опдѣлка; инья, можетъ бышь охлаждены опспупленіями, въ копорые увлекалась я невольню; въ иныхъ недоспаешъ надлежащей быспропы и силы. Къ сему послѣднему вся первая пѣснь принадлежишь.

Безъ всякаго прекословія признаюсь я въ шароховости слога. Признаюсь въ допущеніи бѣдныхъ риѣмъ. Признаюсь, что многое обременено излишнею плодовишпосію. Признаюсь и въ шомъ, что въ чешырехъ мѣспахъ не соблюдено даже сочешанія риѣмъ. Въ сію послѣднюю вину впала я по неосмопрительности.

Очистя совѣспь мою споль искреннимъ признаніемъ, осмѣливаюсь я просипь у почтеннѣйшихъ моихъ чипашелей снизхожденія, предсщавляя ходашаами за себя не спѣшность, съ каковою писала, и не крашкосшь времени; (запрещенія сппрогаго Буало мнѣ памяшны)

но покорный обѣтъ исправиться и впредь не издавашь ни чего, недоведеннаго до сшепенн шого совершенства, которое состоишь въ возможности малыхъ моихъ силъ.

Снизхожденіе публики, принимающей благосклонно слабые мои труды не только не дѣлаешь меня самонадѣяннѣе, но усугубляешь даже мою робосшь. Во всѣхъ взаимныхъ отношеніяхъ, чѣмъ снисходительнѣе бываешь одинъ, тѣмъ оспорожнѣе долженъ бышь другой, — тѣмъ менѣе можешь онъ себѣ позволяшь, — и спрахъ, дабы не употребить во зло дѣлаемаго ему послабленія долженъ заключишь его въ самыя шѣсныя границы.

Будучи при чпеніи Фаепона въ Бесѣдѣ Любшшелей Рускаго слова, и имѣя счасшіе замѣшшшь ему почшшнныхъ посѣшшшелей одобреніе, я чувшшвовала въ одно время и полное удовольствіе, и невольное смущеніе; и достигнушою видѣла цѣль, и купно удаленною. Цѣль

моя соспоела въ увеселеніи соопчичей: казалось будпо бы оно было ими ощущаемо. Но выполнила ли я всѣ мои обязанности? соблюла ли величіе спихотворнаго языка? поддержала ли доспоинспвомъ его нехипростное мое сказаніе? Ахъ, нѣтъ! Сіе публики одобреніе, — сіе неоцѣненное для меня сокровище принадлежишь къ пѣмъ наградамъ, въ копорыя вмѣшиваешся благосклонная снисходительность! Но я первѣйшимъ поставлю себѣ долгомъ засвидѣтельствовать ей признапельность мою пѣмъ, что непременно спрудисься надъ исправленіемъ Фаепона, — непременно просишь совѣша у просвѣщенныхъ моихъ наславниковъ: буду радоспно, принимаешь замѣчанія каждаго и воспользовавшись ими поставрюсь вновь представишь Фаепона моего въ лучшемъ образѣ.

Примѣчанія: Въ претій пѣсни Фаепона, по сдѣланному при миѣ ошъ одной про-

свѣщенной особы замѣчанію выпустила я два эпизода, въ 30 строкахъ состоящіе: одно о превращеніи Иліядъ въ древа, почашія яншарь; другое о превращеніи Цигна въ лебедя. Послѣ шаковаго выпущенія необходимо было нужно мнѣ перемѣнить *изложеніе*, въ которомъ находилось:

Сестерь его и друга превращенье.

Въ первой пѣсни перемѣнила я слово; а во второй стихъ за неправильное удареніе:

Три сряду мужескія, или женскія приемы спавила я полагая, что въ вольныхъ стихахъ вольность сія не нарушаетъ должнаго сочетанія.

ПАДЕНІЕ ФАЕТОНА,

баснословная повѣсть.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Хочу продерзость пѣшь младаго Фаефона .

Одну,

Премногихъ бѣдъ вину ;

Причину опшческаго спона ;

Неправаго ропшанья на боговъ ;

Погибели градовъ ,

Землѣ грозяща разрушенья ,

И собшвенна его паденья .

О, вы! копоры здѣсь, не знаю еспь, иль нѣпть,

Съ моимъ чшо Фаефономъ сходны!

Возницей, кормчимъ бышь, — на подвигъ, — на совѣшь, —

На все копоры сродны!

Сберипесе ко мнѣ, — для васъ пою .

Но ахъ! такия вамъ прошивны сказки!

Вы дѣлапъ ищепе привязки

На пѣснь мою:

За грубость, сухость содержанья,
За мрачну пѣнь каршинь,
За множество причинь,

И спюющихъ и нѣшь пѣишу нареканья.
Бышь шакъ! счастливыи пушь,—я васъ и не держу!
Ни васъ, любящія борьбу любовной спраспти!
Угрюма пѣснь моя различной съ шюю маспти:
Я милыхъ сердцу мукъ ей въ узелъ не вяжу.

Сюда! покрытые сѣдиной,

Копоры опжили вѣкъ сладоспныхъ химеръ!
Любви родипельской примѣръ
Предспавлю вамъ единой.
Вы сердцемъ чудчѣ къ ней!
Васъ пылкихъ ядъ спраспей
Не наполенъ болѣ,
И цѣпи розовы не завлекушъ къ неволѣ.

Возри, возри ко мнѣ, о! дневное Свѣпило!

И коль намѣренъе, повѣданное мной,
Тебя не раздражило,
Пролей свой яркій лучъ на темный разумъ мой,
И возблиспай ярчѣе.

А пы, чшо силой успѣ громовъ громчѣе,
Кропчѣе ручейка, пекуща средъ луговъ,
Сспраспнѣе горленки, въ глухомъ лѣсу спѣнящей,
Лизбійска меда слѣщѣ!
Прияшнѣи вѣшперковъ,
Ельвирѣ, въ знойный день прилегшей къ водопаду,

На грудь свѣвающихъ прохладу
 И рѣзвья вокругъ ней собирающихъ мечпы, —
 Назонъ! шебя я призываю!
 Твои преданья пѣшь желаю;
 Творецъ ихъ шьі...
 Ты мнѣ, и дай созвучносшь гласа!
 Да съ миршовыхъ верховъ двухолмага Парнаса
 Харишь не двигну я на гнѣвъ,
 И робкой пѣсни сей нехипроспный напѣвъ
 Соопчицей моихъ получишь одобренье!
 Вънецъ мой: ихъ хвала; а цѣль: ихъ ушѣщенье.

Во мракѣ древносши сѣдой,
 Какъ Скиески, Гречески, Египетскіе боги
 Ъзжали въ дальніа съ мирянами дороги,
 И съ ними пищею пипались одной;
 Какъ всякой могъ ласкашься
 Имѣшь Chesъ божеской побипу бышь рукой,
 И самъ взаимно съ нимъ подрашься;
 Какъ боги у людей, и порознь и полпой,
 На пиръ изволили собирашься:
 Кшо въ дрожкахъ, кшо пѣшкомъ
 Со всякимъ говоря поняшнымъ языкомъ;
 Тогда, не вдалекѣ опъ мѣспъ покрышыхъ льдомъ,
 Въ спранѣ смѣющагосъ воспока,
 Споялъ блестящій Солнцевъ домъ.
 Вода прозрачнаго пошюка
 Подножный холмъ его изъ шрехъ ручевъ пошла.
 Въ одномъ пророческа хранилась сила,

Въ другомъ даръ къ пѣнію и мыслей чистота,
А шрепымъ немощей цѣлилась плгоша.

Чишапель вѣдаепъ богапспво странъ воспочныхъ ;

Но сей каковъ былъ уголокъ,

Чтобъ дашь о немъ исправный полкъ,

И словъ не приберу я почныхъ ;

Да въ Рускомъ даже ихъ не сыщешъ словарѣ :

За нѣмъ, что здѣсь, по разности климата,

Вещей подобныхъ нѣтъ и при дворѣ,

Какими ша земля изъ края въ край богаша ;

А ешлы мы чего не можемъ знашь,

Не можемъ и назвашь.

Но чтобъ не дашь во лжи и мѣста къ нареканью,

Припомню про, что Фебъ, по Греческу преданью,

Счишался спройности общеспвенной виной

И названъ зримаго союза былъ пружиной ;

Что солнце и у насъ счишается причиною

Распшительности шѣль, бездушныхъ и съ душой ;

А Фебъ и солнце супъ одно между собой.

Теперь уразумѣшь, счишаю я неспрудно,

Колико Солнцевъ былъ споличный градъ

Состроенъ чудно,

И съ прочими на разный ладъ.

Ипакъ, чишапелю не въ гнѣвъ и не въ досаду,

Преиду молчаніемъ сборъ дивныхъ вѣхъ вещей,

Предспавя взгляду,

Что шолько попроспей ;

Но въ крапцѣ, мимоходомъ .

Тамъ юная весна,

Въ союзѣ съ круглымъ годомъ ,

Повсюду зрѣлася одна .
 Тамъ розы, ландыши, лилеи и жасмины,
 Съ зарею каждою раждаясь на долины
 Цвѣли чрезъ всѣ годичны дни ;
 И блющъ, лобзая павилику,
 Вѣнчалъ угрюмы пни,
 Ихъ скудосши въ покровъ, а не въ улику .
 Тамъ легки бабочки вѣсь въ кругахъ,
 Со злапомъ на крылахъ,
 Лазурныхъ, серебряныхъ, — иной какъ здѣсь породы,
 Какихъ шелерь и на воспокъ нѣшъ,
 Хозяину въ привѣшъ
 Водили въ воздухъ веселы короводы .
 Тамъ малые звѣрки
 Содружно бѣгали съ долинъ на бугорки,
 Какъ всѣ одной семьи, хоть были разнородны .
 Тамъ шоки водны,
 Въ прозрачныхъ обласняхъ своихъ,
 Питали рыбъ цвѣпныхъ,
 Большой и малой мѣры !
 Копоры, спаями гуляя по волнамъ
 Являлись шамъ,
 Тѣ съ алой чешуей, сіи голубоперы ;
 Одиѣ какъ въ радугѣ, другія какъ въ звѣздахъ .
 Повсюду въ рощахъ и лѣсахъ
 Согласно пѣніе пернапыхъ раздавалось,
 Слухмянымъ эхомъ повпорялось,
 Съ журчаньемъ ручейковъ сливалось,
 И не глушило ихъ .
 Природа въ ужасахъ нѣмѣла шамъ своихъ .

Тамъ самый водопадъ шумѣшь не смѣлъ.

Тамъ звонкій голосъ Филомель,
 Былъ пише голоса, поющихъ здѣсь на вѣпикахъ,
 И даже въ клѣпкахъ.

Но былъ ли опъ шого дурнѣй?

Нѣпъ, нѣпъ! онъ былъ пріятнѣе, милей;
 Онъ сердце,—шакъ сказапъ,—не явно бралъ, украдкой;

Разнѣживалъ, помилъ,
 Унынѣе, прѣпешъ лилъ,
 Восшоргъ мѣшая съ ними сладкой,

И вняпно выражалъ: *люблю, — люблю тебя!*

Тамъ лозы къ лозамъ приклонясь шеппали;

Другъ друга лиспвіа ласкали,
 Какъ будшобы любя.

Тамъ вѣпры съ вѣпрами свивались,
 Предъ Солнцемъ падши усмирялись;

Тамъ, словомъ, нѣгой все и крепосшью дыша,
 Въ холодной даже умъ вливая умиленье,

Являло, чпо во всемъ швореньѣ

Одна согласія хранилася душа.

Сюда, — въ сіи-шо обласпи счастливы,

Неся пошпыднѣй на челѣ упрекъ,

Младый, неопышнѣй, кичливѣй,

Съ продерзкимъ Фаешонъ намѣренъеъ пришекъ.

Чшо Фаешонъ былъ гордъ, власпшпелень, опваженъ,

Да будетъ нѣсколько чпшателемъ уваженъ

Его къ шому предлогъ:

Онъ былъ породой полубогъ; —

Породѣжъ и у насъ не измѣнились цѣны.

Сей Фаефонъ рожденъ опть Солнца и Климены,
 Взятпой изъ Егѳопскихъ дѣвъ,
 Котора, по словамъ писателей всѣхъ спрогихъ,—
 Россійскимъ дѣвамъ не во гнѣвъ,—
 Была изъ нихъ бѣлѣе многихъ,
 И рѣдкой красоты.

Извѣстно, что и всѣ Арабски поколенья
 До Фаефонова паденья
 Не знали чернопы.

Ипакъ, раненько Фаефонъ
 Увѣдалъ, что его родилель
 Есть свѣплый небожилель;
 Раненькожь онъ
 И приобыкъ гордиться,
 Содомшпъ и бранишпъ,
 Вничто сосѣдей чпишпъ;
 А кто поспоришпъ, и побипъ.

Привычка та была имъ не находка.
 Одинъ царекъ шого же околodka,
 По имени Эпафъ,
 Юпитперу обязанный рожденьемъ,
 Былъ Фаефона самъ повыше поколѣньемъ,
 И наглый выносишпъ его несмогши нравъ,
 Однажды шакъ сказалъ ему и всенародно:
 „Ты мыслишпъ, юноша, бышпъ Солнцевъ сынъ;
 „Но шакъ лишь мыслишпъ шпъ одинъ:
 „Иное небесамъ во славу ихъ угодно!

„Ощецъ швой ешь Меропсъ, супругъ смиренный сей

„Климены малперы швоей;

„Не шопъ, что яркій свѣтъ на землю проливаешь, —

„Нась грѣшъ, озаряешъ, —

„Но что подъ часъ боримъ самъ холодомъ и пьмой;

„Не шопъ, что въ горнихъ мчипся надъ луной,

„Но съ нами что ходишь дозволишь долу.“ —

Умолкъ, — и рѣчь свѣршилъ улыбкой злой;

А фаешонъ, какъ будшобы нѣмой,

Опъ гнѣва и спыда, подобно женску полу

Попшупа въ землю взоръ, безмолвно покраснѣлъ.

Онъ знаковъ своего рожденья не имѣлъ;

‘То чтоже могъ сказать въ оппоръ сей бранной рѣчи?

О фаешонъ! забудь неправедный укоръ!

Намъ собшвенны дѣла, — не чужда брань въ позоръ!

Но ахъ! и гнѣвъ, и спѣсъ, — золь будущихъ предшечи,

Ошважна юноши похипчили покой!

Грызомый люпою шпоской,

И въ думу мрачну погруженный,

Внушрь хранинъ онъ своихъ скрывается одинъ.

Тамъ гнѣвъ, — сей слабыхъ власшелинъ,

Сварливосшью воженный,

Какъ пламеникъ въ груди его горишъ;

Съ покрышыхъ блѣдношью ланишъ,

Надменносш падшая лешъ горькихъ слезъ пошпоки;

Сшпидъ раны сердцу вновь даетъ глубоки,

А месшъ ослабшй духъ бодришъ.

„Пойду“ — онъ говоришъ — „вонжу кинжалъ злодѣю

„Но смершъ Эпафова не смоешъ спыдъ съ чела!

„Омышъ его возмогушъ лишь дѣла!

„Породу доказавъ, оправданъ буду ею :

„Принужу! . . . но увы! несчастный я

„Что спанешся сомной, когда Климена,
„Прелесна машь моя“

Тупъ мѣслей новая родилась въ немъ премѣна ;
Не къ меспи,—къ подвигамъ спремился мой герой.

Наполнясь мыслью пой

Идепъ къ Клименѣ онъ въ ея черпоги царски,
И падаешъ на выю къ ней.

Когда же испощиль, какъ водился, всѣ ласки,
Копорыхъ каждая машь желаетъ опъ дѣшей ;
Какъ въ перси, и въ уста, и въ очи, и въ ланипы
Онъ рождую его несчетно цѣловаль,

Тогда онъ пакъ со вздохомъ ей сказалъ :

„Я Фаепонъ, и выношу обиды! . . .

„О, машь моя! швой сынъ покрывъ спыдомъ!

„Смирень, униженъ я врагомъ,—

„И спыдъ мой кровію врага сего не смою!

„И врагъ сей презираешъ мною!

„Позоръ! позоръ!

„Почпо толико посрамленной

„Я не былъ поглощенъ геенной?

„Почпо еще къ тебѣ могу возвешъ я взоръ?

„Почпо не на брегахъ я мрачнаго Коципа?

„Но ахъ! безславю край

„Не можешъ положишь ни Лепта знамениша!

„То фаепонъ ли былъ?— внимай :

„Поспыднымъ я молчаньемъ,

„Какъ будшобы признаньемъ

„Безчестью собшвенну самъ испины даль видъ!

„И несгараемо горипшъ !
 „Свѣпиломъ міру равноденнымъ ,
 „Но тонымъ въ образѣ, и въ сущности несплѣннымъ ,
 „Копоро съ высоты на насъ ничпожныхъ зрипшъ !
 „Свѣпиломъ симъ клянуса :
 „Оно швоихъ виновникъ дней !
 „Коль яспину скрываю лжей ,
 „Да слова не сверша я зрѣнія лишуся ,
 „Боговъ неправдой оскорблю ,
 „И казнь себѣ успрою скоро .
 „На прозьбу я швою благоволю .
 „Иди, — предшанъ опеческому взору :
 „Пусшь сей сомнительный опецъ ,
 „Сомнѣнямъ положи конецъ
 „Во славу для шебя, — Клименѣ для защишы ,
 „Твой родъ опкроешъ знаменишый ,
 „И свяжешъ клеветѣ языкъ .
 „Иди! сей пушь великъ ;
 „Но просипъ, извѣспенъ и не шрудень .
 „Къ востоку опъ пулудень ,
 „Предѣль моей земли
 „Граничишь съ Солнцевой споллицей .
 „Въ умѣренной дали
 „За сей границей ,
 „Споишъ опъ вѣка Солнцевъ домъ ,
 „Рукою Діевой созданный .
 „Туда, опецъ швой лучезарный ,
 „Авророй предѣдомъ ,
 „По пягоспныхъ шрудахъ склоняешся къ покою .
 „Иди, мой сынъ! иди, благословимый мною!“ —

И кровныхъ всѣхъ изъ памяти изгнавъ,
Бѣжитъ къ погибели пупями славы шумной,
Прощальныхъ никому поклоновъ не отдавъ,
Какъ будно полоумной.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

На мѣлкихъ, какъ песокъ сыпучихъ хрусталахъ,
 О разныхъ чешырехъ бокахъ,
 Чершугу Солнцеву служащій основаньемъ,
 Лишь Солнца одного скуднѣй блистаньемъ,
 Изъ лапа былъ помосшь искусвенно сляняъ,
 Съ семью спупенями, со всѣхъ чешырехъ спранъ
 Ведущими въ присѣны .
 Опъ самага помоста до верховъ,
 Слонова чиспа кость, бѣлѣйшая снѣговъ,
 Чершого соспавляла спѣны,
 И лоскомъ Солнечный ломая лучъ
 Бросала, шо въ хрусталь, шо въ бьющій близко ключъ,
 Глядясь въ прозрачны шока воды .
 Изъ лапа вылипые своды
 Безъ рѣзбы, выпускювъ, въ возможной проспопѣ,
 Вершили спѣны пѣ
 Подобно полушару .
 Спупени на концѣ, одинъ другому въ пару,
 Шеснадцать каждой бокъ въ ряду имѣлъ сподповъ,
 Изъ цѣльнаго алмаза изсѣченныхъ;
 Но гладкихъ, неграненныхъ,
 Минервы хипрыя шрудовъ .
 Такою зримою повсюду проспопою,
 Кошорая шруднѣй всѣхъ вычуръ и зашѣй,
 Я мышлю право шакъ, что смольясь межъ собою
 Художники, для выгоды своей
 Потворспвуя другъ другу ,

Дабы другъ другу не вредишь ,
 Старались просны бышь ,
 Взаимную себѣ шворя услугу .
 Иль, можешь, предприявъ искусство утаишь
 Надѣялись они поддѣлаться къ природѣ,
 И выпустишь молву въ народѣ ,
 Что спѣвны, сводъ, сполны, ступени и помоснѣ ,
 Не сушь работны рукъ, но ешь игра случая ;
 А случай и въ игрѣ всегда бываешь проснѣ .
 Одинъ лишь памъ себя, спѣ прочихъ опличая ,
 Казаль на выспавку Вулканъ
 Въ прекипроспной работѣ .
 За пѣмъ ли, чшобъ вознесешь кузнечный санъ ;
 За славоюль гонясь, иль просно по охотѣ ;
 Въ досаду ли врагу ,
 Я вѣдашь почно не могу ;
 Лишь знаю, что не всѣ, кпо славою гремяди ,
 Ко славѣ пламеняди :
 Ихъ киспи, молопы, рѣзцы ,
 Для разной избирались цѣли ;
 И зодіе, ваятели, пѣвцы ,
 Каменосѣки ,
 Во всѣ, какъ въ наши вѣки ,
 Для множества прудилися причинѣ .
 Спремясь прославишься одинъ ;
 Другой опъ скуки ;
 Иной любя науки ;
 Иной металла звуки ;
 Топъ спалъ художникомъ, чшобъ многихъ превзойтишь ;
 А топъ, чшобъ милой угодишь ,

Иль нѣсколько ея прибавить славы :
 У всякаго свой вкусъ, свои и нравы !
 Но время рѣчь опятьъ къ Вулкану обратишь
 На дивныя его работы .

Къ чершогамъ на воспѣхъ сей богъ сваялъ
 Серебрены враща, поликія дбронты,
 Чшо вещью низшею считался въ нихъ мешалль .
 Вселенная, съ земнымъ богатымъ шаромъ ;
 Съ луной, съ звѣздами въ небесахъ ,
 Ваяшеля пречуднымъ даромъ
 Была на шѣхъ представлена вращахъ ,
 Какъ будшо міръ двоякій .
 Полшара правая казала вращъ спрана :
 Надъ нимъ склоненна швердь, луна ,
 Небесна зодіака знаки ,
 Числомъ раздѣльнымъ шесць ;
 Полшара лѣвая, — въ шакомъ же чинѣ .
 Людей, пернашыхъ, скопъ, и самыхъ рыбъ въ пучинѣ
 Гука художника умѣла произвешть .
 Тамъ зрѣлись всѣ земныя царства ,
 Безсмертныхъ олшари, въ величїи своемъ,
 Едины смершнаго незыблемы богашства !
 Курились жершвеннымъ огнемъ :
 Народъ шолпился къ нимъ чрезъ разныя дороги .
 Въ лѣсахъ и по полямъ ,
 Съ приличной важностью богамъ ,
 Повсюду сельски засѣдали боги .
 У ногъ ихъ въ кошницахъ посшавлены плоды ,
 И съ медомъ сопы .

Средь рощей съ нимфама развилися Эропы ;
 Пропея ложный ликъ казался изъ воды ,
 И силдся принячь различны виды .
 Гадашельный Нерей, Дорида, Нереиды ;
 Копорыхъ Греція считаепя болъй сна ,
 Тамъ были собраны на зыбд океана .
 Сихъ видны лишь главы ; пѣ зрѣлися въ полспана ;
 Тѣ въ дальни плавали мѣспа ,
 Гдѣ громогласные служили имъ Триптоны ;
 Тѣ къ рыбамъ на хребны садились безъ препоны .
 Иныя , кроясь въ камышахъ
 Сушили волосы лежащи на плечахъ .
 Борей, Эоль, Зефиры, Эвры, Нопы
 Спругли скалы и гропы, —
 И каждый въ собственномъ изваянь былъ лицѣ .

Климентинъ сынъ, по спранспвїи премногомъ ,
 Явился на крыльцѣ
 Предъ Солнцевымъ черпгогомъ .
 Сей богъ, гоповаясь въ пушь, средь храмины сидѣль
 На пронѣ алаго рубина ;
 Всѣ боги, меньшаго по свойспву чина ,
 Копорымъ рабска часпъ дана въ удѣль ,
 Для разныхъ вкругъ его спюшци дѣль ,
 Хранили въ спаршинспвѣ порядокъ нѣкїй .
 Спояли пушь : Часы, День, Мѣсяць, Годъ и Вѣки ,
 Съ заботой на челѣ и крыльями у ногъ .
 Спояла осень полногруда ,
 Держа обилья рогъ ,

И бьющій пѣву сокъ изъ полного сосуда .

Единственна по юной красотѣ ,

Въ вѣнцѣ изъ розъ вѣсна спояла ,

И съ дѣвской проспошой пучками нравъ играла .

Спояло лѣто въ нагопѣ ,

Снопъ имѣвшие за плечами ,

Какъ уголь съ горящими очами ,

Спояла сгорбившись зима ,

Несуща хладъ другимъ ,—дрожащая сама ;

Суровый ликъ ея угрюмили морщины ,

Космашные волосы скрывали лѣдины ;

Изъ ушь валился снѣгъ намѣсно словъ .

Сѣдяще въ сонмѣ сихъ служителей боговъ ,

Съ блистательнаго прона

Узрѣло Солнце Фаефона ;

А Фаефонъ , дивясь двору опца ,

Чершогамъ и врашамъ ,

Себя не помнилъ самъ ;

Но свѣща опъ его не могли снесшь вѣнца ,

На дивны шѣ явленя

Смопрѣлъ изъ опдаленя .

Въ лицѣ у юноши желанье , радостъ , спыдъ ,

Гумянецъ съ бѣлизной мѣшали :

То рдянымъ пламенемъ ланишъ ,

То робостью себя очей казали .

Онъ всѣ имѣлъ родишеля красы :

Волнами свѣшлые волосы ,

Пряшносшь ушь ,—посшупку величаву ;

Какъ пошъ голубоокъ,
 Прямя, спапенъ, и высокъ;
 Какъ пошъ любилъ онъ славу;
 Успавишь лишь себѣ цѣны,
 Какъ пошъ, не могъ онъ насподцей.

Опецъ съ умильностью на юношу смопрацій,
 Пришесствія его не вѣдая вины,
 Когда насыпился любезнымъ сердцу зрѣнемъ,
 Такъ началъ говоришь попомъ:
 „Что привело шебя въ мой домъ,
 „О госпъ! достойный бышь моимъ рожденемъ?
 „Иди! вина какаабъ нибыла, —
 „Обьяшя опца шебѣ отверзшы!“—
 Тушь огненны лучи сложа съ чела,
 Въ составъ шаинспвенный онъ омочивши перспы,
 Сдѣшишь горяще имъ лице свое омышь,
 Чшобъ юношу лобзая не спадипь.

Чишашель скажетъ миѣ: явспрѣпилъ ложну
 вспавку:

Нигдѣ опецъ сей сына не видалъ;
 То какъ незнаема узналъ?
 Прошу чишашеля съ началомъ сдѣлашь справку:
 Изъ повѣсти опецъ сей богъ;
 Къ помужъ, предрѣчь и волю рока
 По собшвенну онъ дару могъ.
 Но еспьли опъ его разумна ока
 Укрылася вина
 Сыновяго прихода,

Загадка прежде та была мной рѣшена,
 Что каждому своя не вѣдома невзгода.

Законъ судьбы храня покой,
 Невѣденіемъ нашъ блюдушъ покой.

Приемомъ Солнца ободренной,
 Такъ юноша съ покорностію рекъ:
 „О свѣта богъ! краса и жизнь вселенной!
 „Безславіемъ покрытъ мой вѣкъ,
 „И духъ мятешъ недоумѣнье!
 „Климена придаетъ мнѣ пышно рожденье;
 „А я, въ позоръ себѣ, въ обиду ей,
 „Ничемъ считаюсь у людей?
 „Какъ опрокъ шканію мишурной облеченный
 „Надменно юношей проходилъ сонмъ,
 „Незрѣлостью ума ведомъ,
 „Въ богатствѣ ложно убѣжденный,
 „И мнилъ изъ лапа бышь сошканнымъ свой хищонъ;
 „Но юношамъ содѣлавшись въ забаву,
 „Теряешъ вдругъ свою поспупку величаву:
 „Такъ я, — шакъ сей ольщеный Фаешонъ,
 „Повѣря ложному сказанію Климены,
 „Незапно испыталъ величія премѣны,
 „Незапно спалъ игрушкою царей,
 „А можешъ и вселенны всей!
 „Тебя, себя, свѣпило лучезарно!
 „Разсудка въ слѣпошѣ моимъ опцемъ я чпилъ,
 „И казнъ за дерзосшь шу вкусилъ,
 „Узря надмѣніе свое попрано!“—
 Сказалъ, — и до земли поклонъ.

Такою хитрою уловкой онъ ;
 Чпо будпо машери словамъ невѣришь ,
 Разнѣживъ болѣе ошца кошѣль ;
 А попь, чпо юноша спшоль смѣло лицемѣришь ,
 Разнѣжась какъ ошець, не усмошрѣль .

Улыбкой Солнечны успа вдругъ просіади ,
 Когда онъ гореспей поспигнулъ суешу ,
 Кошоры грудь сыновнину шерзали ,
 И радость ошупя, послѣшно радость шу
 Излилъ къ нему въ шакомъ рѣченъи :
 „Прерви неправедны сомнѣнъи !
 „Не обезславилъ Клименины успа
 „Безбожна клевета !
 „Виновныхъ наказашъ я самъ возму всѣ мѣтры ;
 „Гибѣжь, для большей вѣры ,
 „Чпо шочно шы мой сынъ ,
 „Дабы къ сомнѣнью не было причинъ ,
 „Шодамъ я знаки ясны .
 „Въ владѣнъяхъ, кошоры мнѣ подвластны ,
 „Ты воленъ изобразъ прельстившее швой взоръ ;
 „Пусть дивныхъ рѣдкостей соборъ
 „Пребудешъ навсегда швоимъ имѣнемъ ,
 „Какъ часпъ наследшвенна швоа ;
 „И въ шомъ, чпо я
 „Ошець шебѣ, неложнымъ подшверженемъ .
 „Коль слабымъ договоръ находишь шы и сей ,
 „Во власпи собшвенной швоей
 „Другіе положишь завѣшы .
 „Въ шомъ кляншу адскою рѣкой шебѣ даю ,

Иной идешь на мужа ко врагу;
 За чѣмъ?—За пѣмъ, что имъ честное слово взяпо.

Иди! *хоть радб, хотя не радб,*

Попяшишься нельзя назадъ :

Попяткиц: да будетъ стыдно!

«А спыдъ, какъ видно,

Всѣхъ золь для Рускаго люшѣй.

То правда, сей обрядъ перяепъ уже силу :

Мы кляпву нынѣче посылуу

По волѣ можемъ опмѣняшь своей.

Обряду новому въ защипу,

Не шрудно опыскашь причину скрышу.

Вы скажите, что порча и разврашъ

Надъ словомъ насъ хозяями шворяшъ.

У злаго и въ причинахъ злое!

Причины ваши не по мнѣ;

Мои же, — вошъ онѣ:

Ввелося у иныхъ нарѣчїе другое,

И шолкъ словамъ не шопъ :

Что прежде звалось спыдъ, шо нынѣ въ оборопъ

У нихъ счишаешся за славу.

Ишпакъ не къ порчѣ нраву,

Но къ порчѣ языка премѣну опнесемъ,

И взоры къ божеспву шпорично возведемъ.

Фебъ, перву побѣдя шревогу,

О средспвахъ началъ размышляшь,

Какъ сына не пустишь въ опасную дорогу

И кляпвѣ не солгашъ.

„Что“ — мыслишь — „опдано обвѣдомъ ,

„То можно премѣнить совѣдомъ :

„Еще бѣда не свершена!

„Ошкрою сыну я оласность безъ припврства .

„Гдѣ истина сама собой ясна ,

„Тамъ должноли спрашиваться непокорства?“—

Ошибся Фебъ: глухому говорилъ!

О людяхъ слишкомъ онъ высоко мнилъ :

На правду смѣшлivity немноги!

Сочли имъ дѣло по перспамъ ;—

Нѣтъ! все пойдушь свои ипоги :

Твой счетъ, какъ нуль къ нулямъ .

Ты скажешь: берегись! змѣи здѣсь подъ цвѣтами;

Вопъ шопъ и шопъ погибли между нами!

А онъ шебъ съ спокойствіемъ въ ошвѣшъ]:

„Они, — не я! — И кончился совѣшъ .

Клименинъ сынъ споялъ въ желаніяхъ упорно .

Вопще опецъ его оласностью спрацалъ ;

Доводами и прозбой улецалъ .

Опъ замысла ошспанъ, онъ мидль, ему позорно .

И пакъ, — не швой я сынъ, ошцу онъ говорилъ!

На крѣпость я своихъ надеженъ силъ ;

Но что опецъ шы мѣ, липъ былъ въ надеждѣ дживой!—

„Ужели —“ возразилъ опецъ несчастный сей!

„Уже ли по моей

„Ты горести краснорѣчивой ,

„Во мнѣ не узнаешь, чего искалъ?

- „Смотри,—въ какой я ужась впаль!
 „Какъ духъ во мнѣ сираданіемъ маяпешся!
 „Не видишь, о мой сынъ! на грудь мнѣ упади
 „И грудью собспвенной сочши,
 „Сколь сердце сильно бьешся!
 „Иной языкъ у клеветы!
 „Гдѣ кровь не говоришь,—инья памъ примѣшы!
 „Видалъ ли шы,
 „Чтобъ самы дружныя клеветы
 „Болѣли споль единый по другомъ?
 „Чтобъ чуждый къ чуждому подобно былъ влекома?
 „Видалъ ли шы когда на чуждаго очахъ,
 „Толикую любовь, толикій спрахъ,
 „Толикое смяшене,
 „И о судьбѣ швоей споль нѣжно попечене?
 „Вселенна отвѣчаешъ: *нѣтъ!*
 „Но что опецъ я швой: *все гроико вопіетъ.*
 „Сей гласъ, прерывистый, дрожащій,
 „Сии попки слезъ, сей взоръ молящій,
 „Стенанья, вздохи, спрахъ, мершвеніе ланишь,
 „И сама рѣчь сін, толико плодовица:
 „все, все со мной гласишь,
 „Что истина шебъ Клименою опкрыта.
 „Отбрось сомнѣніе: оно,
 „При вопляхъ сердца шакъ послѣшно исчезаешъ,
 „Какъ ледъ опъ пламя шаетъ.
 „Тебѣль единому шо сердце не дано?
 „Уже ли шы единъ,
 „Природы къ озлобленю,
 „Покоренъ бышь ея упорспвуешъ влеченю?

- „Часъ лучшая меня! безцѣнный, милый сынъ!
 „Смягчись! дай мѣсто ощущенью!
 „Когда мы власъ его однажды познаемъ,
 „Въ душевный сонъ тогда вопорично не впадемъ. —
 „Ты все пропивишься! жестокій!
 „Что болѣе скажу?
 „И чемъ отца въ себѣ я докажу?
 „Ни ласки, ни мольба, ни слезъ попоки....
 „Несчастный я!
 „На каменный утесъ упала скорбь моя!
 „И каменну утесу
 „Въ прелесномъ образѣ я жизнь къ напаси даль! —
 „Когда бь угодно по Зевесу,
 „Чтобъ смерть съ рожденемъ пы
 приялъ!...
 „Когдабъ.... Иди! гонись за гибелью своею:
 „Я сына болѣе въ себѣ не признаю!...
 „Нѣтъ, сынъ мой! нѣтъ! я смерть швою,
 „Спокрашнобы опшелъ моею!
 „Но ахъ! боговъ удѣлъ иной!
 „Не къ смерти я рожденъ, — на скорбь и на мученя!...
 „Коль искра обо мнѣ малѣйша сожалѣнья
 „Согрѣла духъ суровый швой,
 „По силамъ подвиги избравъ склонися,
 „И дерзкаго желанья опрекися!
 „Трудамъ, гдѣ сила неравна,
 „Успѣха чаятъ безразсудно!
 „Ужель въ желаняхъ швое споль сердце скудно, —
 „Иль мнишь, вселенная сокровищами скудна,
 „Что дара для себя безбѣдственна не просишь? .

- „Брось взоры на моря, на сушу, къ небесамъ,
 „Проси и дамъ,
 „Что въ нѣдрѣ ихъ дражайшаго находишь.
 „Гдѣ блеска болѣи,—шамъ
 „Заботъ, опасностей, и скорби болѣи!
 „Спрахъ смѣжень съ пышною,—безпечношь съ скромной
 долей.
 „Ко славъ ты завистный мещешь взглядъ,
 „И мнишь отъ ней себѣ награду!
 „Что слава смертнаго? рѣчей бездушны звуки!
 „Чтобъ звукомъ симъ однажды слухъ польстивъ,
 „Попребно тысячу напастей побѣдить;
 „Извѣдашь скорби, гнѣвъ, и всѣхъ спраспей доуки.
 „Свѣсь славу и печаль разсудка на вѣсахъ:
 „Одна въ чужихъ слагается усташъ,
 „Другая въупрь души и сердца обипаешь,
 „Уносишь здравіе и духъ перзаешь!
 „Гдѣжъ сихъ награду желанный перевѣсъ?
 „Ужели смершныхъ жизнь,—сей даръ небесъ
 „Благій,—и купно преходимый,
 „Низпосланъ на одни пруды неушомимы?
 „Ужель ты небо оскорбишь,
 „Коль радости безбѣдственны вкусишь?
 „Ты алчешь именемъ правителя назваться?
 „Учись, мой сынъ! учись сначала подчиняться!
 „Но естли духъ къ правленью сей
 „Ты вышшимъ благомъ чпишь надъ благами земнымъ:
 „Назани съ свѣихъ спраспей,
 „И будь правителемъ надъ ними.
 „Чѣь силы немощны въ господствѣ надъ собой,

- „Броды правленія шому бесплодно брѣмя!
 „Тому господствовашь надъ волею чужой
 „Еще прямое не приспѣло время!
 „На поприщѣ гдѣ ты извѣдашь хочешь силу,
 „Повсюду шерна росшупъ колющи;
 „А пущь къ нему ведущій
 „Крупъ, скользокъ, шемень и увылъ;
 „Кипомужъ, соблазны
 „Со всѣхъ споронъ его спрегущъ,
 „И камни прѣпковенья разны
 „Невидимо стопы швои прѣпнущъ.
 „Я самъ лишь временемъ познашь ихъ научилъся.
 „Ты младъ, и опышомъ еще не умудрилъся,—
 „Какъ чаешь одолѣть шоликія шруды?
 „Какъ чаешь пропасши минуть и шерны шайны?
 „Положимъ и минешь; во случай вдругъ нежданнъ,
 „Похошимъ всѣхъ шрудовъ въ единый мигъ плоды!
 „Ты твердо мнилъ, всѣ бѣдшва одолѣнны;
 „Ужъ цѣли досцигалъ,— и вдругъ... о ужась! палъ“..

Отецъ, печалію внушнннй,

Ещебы продолжалъ;

Но время не шпоишь, и Солнце въ пущь склоняешъ.

„Пускай шропа сія скользка,

„Пускай я упаду,— сынъ Солнцу шпвѣчаешъ,—

„Лиць шолько бы упалъ я свысока.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Бѣгущи звѣзды въ понѣхъ
 Гоня оупъ Солнечнаго взора,
 Уже дщерь Солнцева, румяная Аврора,
 Усплала розами воспочный горизонтъ,
 Уже явилася спояща предъ врапами:
 Уже ихъ алыми коснулася перспами,
 И убѣливъ сребро опливомъ багреца
 Опверзда къ шесшвию опца.
 Уже и призраки разсѣялись окружны,
 И мракъ за мракомъ оплещали прочъ,
 И ризу совлекла съ природы ночь.
 Уже часы досужны
 Рѣшивыхъ Солнцевыхъ взбуда коней
 Впрягли въ блестящу колесницу.
 Уже природы гуль, хоръ пипиць, мычаніе звѣрей,
 Дрожали въ воздухъ, привѣшствуя денницу,
 И взода Солнечна желанный мигъ насшаль.

Познавъ упорство Фаешона,
 Фебъ болѣй словъ не распочаль.
 Кому въ желаніяхъ и гибель не препона,
 Предъ пѣмъ слова напрасный звукъ!
 Слѣпцу чшо живопись искусныхъ рукъ,
 То мудра сама рѣчь глупцамъ самонадежнымъ!
 И шакъ, не вновь грозить паденьемъ неизбѣжнымъ,
 Не съ воли соврапиль;
 Но правиль научиль

Предпринялъ Февъ опвергшаго совѣшны ;
 И какъ достигнушь меты,
 Въ чепырехъ объяснилъ ему законахъ тѣхъ :
 „Не опускайся въ низъ, — и не возносися вверхъ, —
 „Держись середины ;
 „Не ослабляй бразды на мигъ единый ;
 „И окомъ бодрспивеннымъ гляди всегда впередъ !
 „Наукѣ сей, мой сынъ, другихъ законовъ нѣтъ .

Поклялся юноша ученю бытъ покорнымъ ;
 А февъ, спѣвня, шокую и грустя,
 На гибель снаряжашъ пушъ спалъ свое дия .
 Сперва соспавомъ онъ, огню пропвиборнымъ,
 Успа его и очи оросилъ ;
 Попомъ лучи на темя возложилъ ;
 Попомъ съ рамень своихъ совлекши червленицу,
 Одѣлъ его хламидой сей ;
 Попомъ возсѣсть велѣлъ на колесницу ;
 Даль вожжи и коней ;
 Попомъ перзаяся, рыдая,
 Вздохъ вздохомъ заглушая,
 И ошврапя лице сказалъ ему: спупай !

О муза ! подкрѣпи, — дай пвердосшь слогу,
 Съ земнаго пренеспись въ небесный край,
 И съ юношей вспунишь въ эфирную дорогу !
 Воздушный пушъ мнѣ вовсе новъ !
 Съ какихъ начну я словъ ?

Какимъ себя обогату примѣромъ?

Ни съ Гарнеренемъ мнѣ, ни съ Монгольфьеромъ

По воздуху проплышь неудалось;

А былъ рассказывашъ неловко на авось.

Неспорно, — всякихъ въ мѣрѣ много :

Иной судя не слишкомъ спрого

Такихъ чудесь наскажешъ вамъ,

Что вянущъ слушапелей уши!

Вопъ шамъ-по, по его словамъ,

Кипы не сходяптъ съ суши;

А шамъ, на днѣ морскомъ

Живущъ по году водолазы!

Другой, прослышъ бояся чудакомъ,

Опъ сей воздержитсѣ проказы;

Но васъ самихъ онъ проведешъ,

И въ дураки введешъ.

Въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Кашаѣ, въ Геркуланѣ :

Вездѣ, вамъ скажешъ, былъ

И пользу приносилъ.

У Турокъ при Сулпанѣ

Два года жилъ,

Ведя расходъ безсмѣшны.

Китайцамъ онъ давалъ къ правленію совѣшны;

Брипанцевъ научилъ шѣрги водипъ;

Француженокъ наряды шипъ,

Быпъ понкими Евреевъ.

У Гопфовъ, Скисовъ и Халдѣевъ, —

Вездѣ онъ побывалъ,

Все опыпомъ узналъ.

Опишешъ всѣ вамъ шропки,

Куда снопы его неробки,
 Въ копорый занесли и день, и часъ.
 Такой вы слушая разказъ:
 Вошь, мыслите, попалъ на мудреца!

А онъ шѣ земли, вамъ копоры описалъ,
 Съ Учипелемъ по каршѣ пробѣжалъ.
 Но я, чшобъ и себя не выдашь за лжеца,
 И легковѣрія другихъ не уловишь,
 Заранѣ скромно всѣхъ желаю извѣспишь,
 Въ воздушномъ что пупи, безъ всякаго обману,
 Преданій древнихъ я держашься спану.

„О радость! о воспоргъ!
 „Счастливыи Фаепонъ конями правишь,
 „Копорыми лишь могъ
 „Единый правишь богъ!
 „Счастливыи Фаепонъ на вѣкъ себя прославишь!
 „Счастливыи Фаепонъ въ лучахъ!
 „Во образѣ свѣшила!
 „Вселенна вся предъ нимъ колѣна преклонила!
 „Счастливыи Фаепонъ явился въ небесахъ,
 „И примешъ за шруды безсмертія награды!“ —
 Такъ мнилъ Клименинъ сынъ, бросаю окрешъ взоръ,
 Когда споялъ онъ у преграды,
 Кошора опъ небесъ дѣлила Солнцевъ дворъ.
 Иосъ, гордящійся шяжелой гривой,
 Волнами падающей внизъ;
 Флегонъ решивой,
 Бѣлѣишій снѣга Пирощъ,
 Эонъ высоковѣдннй:

Четыре Солнцевы коня,
 Съ горящими очами опъ внушрениа огня,
 Еще одержимы неслися въ пушь зейрный.
 Какъ мечется на добычь Левъ,
 И мощный, и несъпый,
 Пуская спрашный рѣвъ;
 Такъ кони Солнцевы, внося къ грудямъ копыты,
 Біють рѣшешку врагъ,
 На мѣстѣ прядая въ спремленѣ яромъ.
 Хребты ихъ съ рьяности дрожащъ;
 Главы дымяща паромъ;
 Звѣнящъ броды сребромъ,
 Грызомы удила въ кольцо біють кольцомъ;
 И воздухъ зыбляся опъ ржаній голосистыхъ,
 Разносищъ ихъ въ спранахъ зейра чистыхъ,
 Чтобъ Солнца предваришь приходъ.

Часы, у сихъ спояціе ворошь,
 Отверзли ихъ въ наславше время.
 Тутъ кони радуясь, что болѣй нѣтъ преградъ,
 Быспрѣ вѣпра въ пушь лепящъ.
 Но легкимъ оцупя везомо бремя,
 И направленіе не по вожжей,
 Прямый бросая пушь, по прихоти своей,
 Въ проспранства мечущся небесъ необозримы.

Климентъ сынъ, во всѣ спраны носимый,
 Возчувствоваль смертельный страхъ.
 Жопя броды еще держалъ въ рукахъ,
 Но правилъ онъ коньми безъ всякаго усшава:

За шѣмъ, что конскаго не вѣдалъ нрава,
 И должнаго не зналъ, по коемъ печь пуши.
 Какъ юное дитя, которому найши
 случилось гремушку,
 И въ клѣпкѣ изловишь крылашаго пѣвца;
 Безпечно пшашечку сажаетъ у крыльца,
 А неподвижную хранишь въ рукахъ игрушку:
 Возница шакъ неприбыкшій сей,
 Незная свойспвъ коней,
 Кто нравной въ нихъ, огнистой кшо породы,
 Какъ будшо съ умысла и къ пагубѣ своей,
 Спроппивымъ болѣе даешъ свободы;
 Послупныхъ осаждаетъ вездъ.
 Тогда-шо въ нихъ наспалъ вдругъ безпорядокъ общій!
 Тогда-шо Фаетонъ и дару спалъ не радъ!
 Тогда-шо изнуря онъ силы пощи,
 За гордоспъ самъ себя спокрапно клялъ:
 Почшо Меропсовымъ бышь сыномъ возгнушался,
 При взорахъ мапери спокойно не оспался;
 Почшо не посебѣ пруды подъялъ!
 Тѣмъ менѣй онъ являлъ испуспва,
 Чемъ ближе бышь опасноспъ мнилъ.
 Въ немъ силы малились опъ конска буйспва,
 А буйспва ихъ расло съ его попереи силъ!
 Несчастпый! думаешь,—спвой спрахъ доспигъ предѣла!
 Дланъ рока на шебѣ вполнѣ опягопѣла,
 И ужасъ на черлу послѣдню вспалъ?
 Ахъ, нѣшъ! пожди еще! люпѣйшую спревогу,
 За дерзки замыслы шы встрѣшишь попремногу:
 Сей спрахъ предѣ будущимъ, и шихъ и малъ!

Хранящій Фаефонъ опцено наспавленье,
 Еще изъ рукъ не выпускалъ вожжей,
 И шѣмъ, хопь вмалѣ бѣгъ обуздывалъ коней;
 Но вдругъ, незапно приключенье,
 Господство юноши, для новыхъ мукъ,
 Изхишило изъ рукъ.
 Извѣстно, — по пуши,
 Гдѣ Солнце каждый день должно идти, —
 Газѣяны пречудны знаки,
 Которы попросу зовущся зодіаки,
 И спавялся вездѣ во всѣхъ календаряхъ .
 Толико-шо у нихъ уродливы личины,
 Чшо, можеть, робкаго и опъ печатныхъ спрахъ
 Возметъ не безъ причины .
 Но въ небѣ шамъ,
 Хопя и всѣ они пригвождены къ мѣспамъ,
 Однако живы всѣ,—глядящъ и шевелящся.
 Ну какъ уродовъ шѣхъ не испужашся,
 Кшо даже былъ бы и храбрець!
 А бѣдный Фаефонъ, къ несчастью, изъ прусливыхъ...
 Какъ! скажеше вы мнѣ,—шоль храбрый молодець,
 Чшо къ славѣ въ помыслахъ ревнивыхъ
 Цѣвщущаго себя не пощадилъ,
 И вѣкъ свой на зарѣ скосилъ;
 Чшо розѣ марповской подобенъ былъ красою,
 И жизни крапкосшью сравнялся съ шюю:
 Толь храбрый молодець за пруса выданъ здѣсь!
 Гдѣ слыхана шакая смѣсь?
 Не споръ, чшпатель мой: а наче
 Тѣхъ храбрость съ дерзосшью не числи за одно!

Наглець при малой спрусипъ иѣудачъ:
 Не кончишь,—начинашь ему лишь суждено.
 Кто храброспъ испинну имѣешь,
 Тотъ дѣла не начавъ робѣешь;
 И шакъ, и сякъ, со всѣхъ вершишь его концовъ.
 „Не лучшель“—думаешь—, опшпашъ мнѣ опъ шрудовъ!“—
 Когда же начашо . . . О! зрѣлице преславно!
 Чшо часпъ онъ божешва,—вопъ шупъ—шо будешъ явно!
 Вопъ шупъ—шо онъ въ себѣ духъ пворческій явишь,
 И даръ безцѣнный сей не посрамипъ!

Но время къ повѣспи, оконча споры скучны. —
 Незапно пупникъ нашъ воздушный
 Увидѣлъ въ зонѣ знакъ:
 Кошорой имянно? съ какой спраны? и какъ?
 Преданіе о томъ смолчало:
 Спшрѣлець ли, Скорпионъ,—иноель чшо,—
 Никто не говоришь про шо;
 Но чшо-шо юношу смершельно испугало.
 Съ испуга онъ, какъ мертвый охладѣлъ;
 Спшалъ блѣдень, обомлѣлъ;
 Не движешся въ немъ кровь, — не бьюшся жилы;
 Ни духа жизненна, — ни сердца нѣшь;
 Померкъ во взорахъ свѣпъ,
 Скончались всѣ душевны силы,
 И вожжи выпали изъ рукъ.
 Прощай безмертіе, — и шрубный славы звукъ!
 Досада, мщение: все, все забылось:
 Все спрахомъ усмирилось,
 Чшобъ спрахъ явишь сей вполношъ,

Лишь яросць прирасла коней безмърно ..

Почуй вожжи на хребтѣ,
Свободы средспво вождельно,
Какъ бурный понпѣ,
Опѣ вѣка прущій въ гору,
Едва предлежну взору,
Кипимпѣ опѣ гнѣва на оплопѣ
И утекаешпѣ вспяпѣ безъ силы;
Но вдругѣ сквозъ земныя прорвавшись жилы
Несешся въ долѣ, — крупимпѣ, рѣвешпѣ
И гору, съ прескомѣ что упала,
Съ собой несешпѣ :

Такъ и они познавъ, что болѣй власши нѣпѣ,
Копора ими управляла,
Несущся въ небеса, безъ цѣли наугадъ :
Верпшпѣ кругомѣ, впередѣ, и взадъ ;
Цѣпляющпѣ звѣзды неподвижны ;
На шучи спрядывающпѣ нижны,
И Фаефона, въ казнѣ вины,
Какъ вихри мча коловращающпѣ .

Лежащи къ полюсамъ спраны
Впервыи зной солнца оцущающпѣ ;
Впервые шѣхѣ морей окованна вода
Восшала изо льда ;
Впервые сребренымъ хребтомъ блеснула,
Въ скалы безплодныя волной плеснула ;
Но въ хладныхъ нѣдрахъ оцущая жарѣ,
По часѣ бышпѣ, возникла въ парѣ .

Снеслись въ бугры погибши рыбы ;
 Упали съ шумомъ снѣжны глыбы,
 Чпо горны края вышины
 Копилися въ слояхъ ошъ сотворенья міра,
 И пѣхъ числомъ лѣпъ бынности равны.

Расчиспилась вся пвердь до самага ээира;
 Неспало облаковъ, ни пучъ,
 Чшобъ солнца заслонить палящій лучъ, —
 Раждаясь влага изсыхала.
 То пламя шонкое, чпо воздухъ разожгло,
 Багровымъ заревомъ на землю налегло,
 И огненную печь земля собой являла.

Подъ градусомъ однимъ Югъ, Западъ, Нордъ шеперь .
 Камчатскій и Лапландскій звѣрь
 Ошъ жара въ первый разъ сокрылся въ норы,
 Сокрывшисъ въ нихъ вошще!

Но шоль еще ?
 Дымящіяся помалу горы
 Въ единый запылали часть .
 Пылаешъ, Тавръ, Кавказъ, Гошардъ, Хишера, Осса ,
 Родопа, Аппенинь, Апланшъ, Рифей, эльфоса :
 Прошяжный Пириней, о двухъ холмахъ Парнасъ
 Сія послѣдняя всѣхъ прежде запылала ;
 Всѣхъ прежде жертвою пожара спала :
 За шѣмъ, чпо снизу до верховъ

Была завалена спихами,
 И что, будь сказано межъ нами ,
 Въ соборѣ пломъ спиховъ
 Иные были суховашы ;
 Сухіе же скорей зажгуся и спихи !
 Ишакъ Парнасъ, подпопкою богашый ,
 За наши вмигъ сгорѣлъ грѣхи !

Но шоль еще? . . . Горятъ съ пощвомъ нивы ;
 Герчинскій лѣсъ пылаешъ горделивый ;
 Всѣ рощи, — всѣ луга горятъ ;
 Всѣ рѣки въ берегахъ кипящъ .

Кипишъ Дуеро, Днѣпръ, Рейнъ, Ельба, Темза, Сена ;
 И Прушь, Великому грозила гдѣ премѣна ;
 И Тибръ, гдѣ Рима вознеслась глава ;
 И пронъ незыблемый обшекная Нева ;
 И Тагъ, злпшый песокъ влекущій .
 Кипишъ Фазисъ, отколь руно унесъ Язонъ ;
 Россіи рашниковъ дающій Донъ .
 Кипишъ Эвфрашъ, Роданъ, По, Нилъ, Дунай цвѣшущій
 Кипишъ Алфей ,
 Риспаньемъ древле знаменитый ;
 И Гангъ, куда побѣдами несъшый
 Доспигъ надменный изъ царей ;
 И хладная вода вскипаетъ шемной Волги .
 Всѣ рѣки, — всѣ моря кипящъ !

Но шольколь бѣдъ землѣ грозятъ!
 Пылають грады многи:
 Вездѣ пожаръ опсвѣчиваль въ пожаръ.
 Испнились памяшники пышны,
 Художника гдѣ былъ проявленъ даръ;
 Лишь громы слышны
 Опъ бѣдспвенна паденья ихъ:
 Лишь дель оспался намъ оцъ нихъ.

Горишь виновная Ливійская споллица.
 Цвѣпть черный опъ паровъ
 Налегъ на всѣ Арабски лица,
 Въ правдиву казнь грѣховъ,
 Содѣянныхъ однимъ изъ ихъ породы.
 Изъ рода въ роды
 Преходишь казнь ша и поднесъ,
 Хоша чужда Арапамъ нынѣ спѣсь,
 И стали черными вдругъ полны безпощады
 премноги грады.

Пожары множились и множилась напасъ!
 Горящая земля была гошова паспъ:
 Хаосомъ ей погибель угрожала!
 Но вдругъ изъ нѣдръ разперзанныхъ ея
 Цыбела въ верхъ главу мершвелую подъяла,
 И спала пакъ молишь боговъ царя:
 „Почпо, о Дій! толико я спрадаго!
 „Воззри! въ единый вся изсохла день,

„Какъ вспавшая изъ гроба шѣнь!
 „Изякли всѣ сосцы, чемъ шварь пивою пишаю!
 „Толь медлѣнная смерть о Дій! почпо?“...
 Рекла,—и въ землю вновь вспушила.
 Еще бы говорила;
 Но силъ едва ей спало и на шо!
 Густой, клубами дымъ препяшествовалъ дыханью,
 И угли на главу бросалъ пожаръ.

Дій виявъ не раздражася сея жены ропшанью:
 „Толико-шо, изрекъ, земный ничпоженъ шарь!
 „И смершнихъ радости шoliko шо мяшежны!
 „Какъ шаюпъ, опъ огня пылинки малы снѣжны,
 „Такъ прочны блага ихъ единымъ гибнушъ днемъ!
 „Безумство одного. бываетъ въ гибель всѣмъ!“—
 Умолкъ,—и въ думу погрузясь немногу,
 Ко громодержному опшелъ черпогу;
 Троеконечный шамъ перунъ подъялъ,
 Вознесъ всемошну съ нимъ десницу,
 Повергъ его на дерзосшна возницу:
 И Фаешонъ съ небесъ,—упаль.

И. А. КРЫЛОВУ,

чищавшему моего Фаэтона въ Бесѣдѣ
Любительей Рускаго слова.

Чищая баснь паденья знаменища,
Улыбкой оживиль шы лица всѣхъ госпей,
И честь шого прешла къ справѣ пища.
Вомзду заслуги сей,
Я лавры сжащые шобою
Себѣ надмѣнно не присвою.
Когдабъ не шы ее чищаль,
Бышь можешь Фаэтонъ вшорично бы упаль.

СТАНСЫ.

Подражаніе Лесбоской стихотворицѣ.

Блаженъ, кто воздухомъ однимъ съ побоею дышетъ!
 Одно съ побоею зришь, одно внимаешь слышишь!
 Того не успрашаешь зашмѣніе свѣпилъ,—
 Ни громъ свирѣпыхъ пучъ,—ни жгущихъ молній блески,—
 Ни въ морѣ видъ судовъ, носимыхъ безъ кормиль,—
 Ни рушащихся снѣгъ на снѣгъ спрашны прески:
 Спокойно внемлешь онъ паденію міровъ.

*

Блаженъ, кто крошкій взоръ своихъ очей вспрѣ-
 чаешь!
 Въ немъ сладкій пѣшь возшоргъ, въ немъ рай свой почер-
 паешь
 Тотъ зла земныхъ сущесствъ, какъ Ангель въ небѣ чуждъ!
 Того въ мразъ Сѣвера лучъ жаркій грѣптъ южный;
 Тотъ въ запѣ, въ почеспяхъ, не знаешь скорбныхъ нуждъ;
 Тому ни кровные, ни сонмъ друзей ненужны:
 Къ безсмертнымъ пресѣлся онъ брентъ земный забылъ.

*

Блаженъ, кто словъ своихъ гармоніи внимаешь!
 Ихъ звука чарами слухъ алчный насыщаешь!
 Тому средъ знойныхъ Аравіи степей
 Грудь пламенну свѣжилъ прохладный вѣспръ воспока!

Топъ слышишь гласы арфы, гдѣ препенный Орфей
Сливаетъ спрастну пѣснь съ журчаніемъ пошока:
Безсмѣнная вѣсна порхаетъ вкругъ его.

*

Блаженъ, кто уснъ швоихъ улыбку созерцаешъ!
Въ чиспѣйшій шокъ швоихъ веселій проницаешъ!
Топъ благо бышя цѣнишь всѣхъ выше благъ!
Топъ вкупѣ чувшвуешъ и радоснъ, и номлене,
И бѣглый огнь ланишь, и яркій свѣшъ въ очахъ,
И сердца шрепешъ вдругъ, и духа цѣпенѣные:
Онъ въ нѣгахъ плаваешъ блаженшвомъ пресышяся.
